

*К 1100-летию преставления святителя Мефодия,
архиепископа Моравского*

Академик Е. Е. ГОЛУБИНСКИЙ

СВЯТЫЕ КОНСТАНТИН И МЕФОДИЙ— АПОСТОЛЫ СЛАВЯНСКИЕ

Опыт полного их жизнеописания*

Обратимся к этому новому и вместе с тем последнему путешествию Константина. Три с лишком года приходилось ему видеть со стороны латинского духовенства одну ожесточенную к себе вражду; но, наконец, совершенно другой прием нашел он, по крайней мере, у главы этого духовенства, пред очами Римского первосвященника, и славянские книги и сам виновник их обрели полную благодать. Что касается до подробностей дела, то ненавистный всему латинскому духовенству изобретатель славянской грамоты по своем прибытии в Рим, прежде всего, удостоился от папы и всех жителей «вечного города» торжественной встречи. Почесть встречи не относилась лично к нему самому, но и на его долю была тут глубокая благодарность. Мы видели выше, что в бытность в Корсуни Константин обрел мощи святого Климента Римского. Часть мощей он принес из Корсуни в Константинополь, а потом при отправлении в Моравию взял с собою. Так этим-то мощам святого Климента, несенным Константином, и учинил папа торжественную церковную встречу: «Увидевше, яко несет мощи святого Климента, — пишет автор Жития, — изыде сам апостолик Адриан со всеми гражданы и свеща несуща»⁵³.

Папа позвал Константина к себе в Рим собственно за тем, чтобы посвятить его учеников, чего не хотел сделать Венецианский митрополит. Но тут были пред ним сами славянские книги. Давно были дозволены из Рима эти книги, и однако же духовенство латинское не хотело признать за ними право на существование, относилось к ним с величайшей ненавистью как к нововведению еретическому и богопротивному. Так теперь, видя книги перед собою, папа должен был как-нибудь осязательным и торжественным образом сообщить им привилегию книг, по которым достоин славить Бога, и возвести язык славянский на одну степень с языками еврейским, греческим и латинским. И папа действительно сделал это. Взяв славянские книги, он положил их на церковный

---

* *Окончание.* Начало в «Богословских трудах», сб. 26-й.

алтарь, освятил их и приказал совершить над ними литургию; затем приказал несколько раз поочередно в разных знаменитейших церквах города петь торжественную литургию по самим освященным книгам. На одной из этих последних, то есть славянских, литургий было совершено посвящение и нескольких человек Константиновых учеников (троих во священники и двоих в анагносты, или дьячки).

Автор Жития Константинова, передавая это известие о величайшей благосклонности, которую показал папа к их славянским книгам, не сообщает более никаких подробностей. Именно в этом последнем Житии пишется: «Папа, желая, как ангелов Божиих, видеть Константина и Мефодия, послал за ними послов; когда они прибыли, папа освятил их учение, положив славянское Евангелие на престол святого апостола Петра; но нашлось много таких людей, которые хулили славянские книги, говоря, что никакому народу не должно иметь своих букв, кроме евреев, греков и латинян, по Пилатову писанию, которое написал на Господнем Кресте; папа, назвав их пилатными и трезычниками, предал их проклятию». Из этих слов открывается, что и в Риме, за исключением самого папы, славянские книги Константина нашли себе очень немногих сторонников, что и здесь, точно так же, как и везде, большинство духовенства питало и выражало к великому нововведению глубокую вражду. <...>

Дорогой нам муж жил в «вечном городе» и обращался среди его граждан. Какое же произвел он впечатление? Нашло ли римское общество в нем более необыкновенного человека, чем признаем его мы и чем он был в действительности?

Большинство епископов, составлявших священную папскую коллегию, как мы говорили выше, враждебно смотрели на славянские книги Константина, но вражда епископов не помешала им надлежащим образом оценить личные необыкновенные достоинства Константина, увидеть в нем человека необыкновенного и заслуживающего самого глубокого уважения, каким он действительно был; как велико было это уважение, приобретенное Константином от римского духовенства, увидим ниже, когда будем говорить о его смерти. Но известность Константина в Риме не ограничивалась только тем одним кругом общества, доступ в который был открыт ему уже самим его званием, то есть кругом духовенства; репутация знаменитого мужа была усвоена ему всем вообще римским образованным обществом. Встреча, сделанная папою мощам святого Климента, принесенным Константином, должна была сделать имя последнего известным для всех римлян при самом его прибытии в город; известие, что этот принесший мощи Климента грек есть виновник необычайного дела, изобретатель книг, должно было сделать Константина предметом общего интереса и любопытства, и римляне непрерывно один перед другим старались познакомиться с интересным пришельцем. Став, таким образом, предметом общего суда, Константин не оказался ниже возбужденного им общего любопытства; признанный одним из умнейших и ученейших людей на своей родине, он заставил римлян найти этот приговор совершенно справедливым и основательным; «Римляне же не престааху идуще к нему,— говорит автор Жития,— вопрошающие его о всем, и сказание сугуб и трегуб приимаху от него»⁵⁴. К уверению автора Жития, что Константин удивлял римлян как муж ученый, с полной уверенностью можем присовокупить сами от

себя, что он приобрел между нами общие искренние уважение и любовь и просто как человек. Апостол нашего племени имел прекрасный, в высочайшей степени симпатический характер; к этому присоединялись внешне привлекающие качества: необыкновенное умение вести занимательную беседу, изящество наружности, манер и совершеннейший такт во всем обращении; таким образом, он должен был привлекать к себе сердца всех, кто вступал с ним в общение. Как бы целый век суждено было Константину вести богословские диспуты с разными противниками то христиан, то Православия; на один из таких диспутов он был вызван и здесь, в Риме. Слава о великой учености Константина достигла и до еврейского квартала города Рима, и к нему явился с вызовом на споры о вере один еврейский ученый. Так как вызов был охотно принят, то еврей стал одним из частых посетителей Константина. Автор Жития, не сообщая об этих прениях в подробности, говорит только об одном из них, вероятно, заключительном, с которого ученый еврейский ушел, будучи совершенно побежден ученым христианским. Жидовин, передает автор Жития, сказал однажды Константину: по вычислению времени надлежит думать, что еще не приходил Христос, которому по книгам и пророкам должно родиться от Девы; философ же, вычислив ему все годы от Адама по коленам, самым обстоятельным образом («потонку») показал ему, что пришел Христос и что столько-то лет прошло от Его пришествия до настоящего времени, и, наувивши его, отпустил.

Великое намерение стать просветителем темного славянского племени, как мы говорили выше, не было мыслью Константина с самых дней юности и было внезапно вызвано в нем прибытием в Грецию послов моравских. Но если намерение было принято ранее указанного времени, то отсюда несколько не следует, чтобы, к ущербу славян, то явилось у Константина слишком поздно: в то время, как прибыло в Царьград посольство моравское, Константину было 36 или 37 лет, то есть он был в том периоде жизни, когда человек еще вправе обещать себе сделать все, что только он в состоянии сделать. После того, как осенила Константина великая мысль дать славянам христианское богослужение на их собственном языке, не вдруг решился страшный вопрос: великой, Богом внушенной мысли суждено ли будет осуществиться? Но решился и этот вопрос, и решился утвердительно: славянские книги, дозволенные императором и патриархом греческими, были потом дозволены и папою Римским, то есть были признаны властями всего христианского мира. Таким образом, дела славян были в наилучшем положении; им оставалось благодарить Бога и необыкновенно много ждать от своего великого апостола. Но судьбы великих людей — закрытая от нас тайна... Много еще оставалось для Константина вероятной человеческой жизни; только что окончательным образом признана была его деятельность, чтобы мог он продолжать ее с наивозможно крепкою энергией, и неожиданно смерть взяла его у славян. После шестимесячного пребывания в Риме Константин подвергся тяжелой и продолжительной болезни и более не выздоравливал. Автор Жития, сообщая, что Константин болел очень продолжительное время, не говорит, что была за болезнь и отчего случилась; очень может быть, что Константин расстроил свое здоровье своими далекими и необыкновенно трудными путешествиями; а сколько можно заключить о его здоровье

по его душевной настроенности, то весьма вероятно, что и от природы он был не слишком крепкого сложения. Предчувствуя, что болезнь окончится смертью, Константин поспешил принять монашеское пострижение (за 50 дней до смерти), причем ему дано было по его желанию имя Кирилла. Нет сомнения, тяжело было умирать Константину от только что начатого им великого дела; но, увидев, что болезнь смертная, он покорился воле Божией и начал заботиться, чтобы делу своему оставить по себе преемника. Естественным и вместе единственным преемником оставался Мефодий; но Мефодий не готовился с детства к тому поприщу деятельности, на котором пришлось ему трудиться вместе с умиравшим; он вступил на него случайно, потому только, что не хотел расставаться с горячо любимым младшим братом; поэтому естественно было ему сознавать себя недостаточно способным к продолжению того, что было на него покидаемо. Очень хорошо было известно это Константину, и этим-то он должен был сильно тревожиться на смертном одре, именно: он должен был опасаться, что Мефодий после смерти вместо того, чтобы идти к славянам, поспешит возвратиться в свое любимое малоазийское уединение. Вследствие этого главной заботой умиравшего Константина было вынудить у Мефодия твердое обещание, что тот останется его продолжателем и, не думая о возвращении в монастырь, поставит, подобно ему самому, труд просвещения славян исключительно целью всей остальной своей жизни. Необыкновенно трогательно увещание, с которым Константин обращался по этому поводу к Мефодию. «Вот, брат,— говорил он,— мы были с тобой парюю волов, пахавших одну борозду: я на гряде падаю, скончав свой день, а ты крепко любишь гору; неужели полосе нашей после меня остаться так, недопаханною? Нет; мое тебе крепкое завещание: никоим образом не могли ради горы оставить сего нашего учения (то есть учения славян), ибо последним (трудом просвещения славян) скорее спасен будешь, чем первым (подвигами в монастыре)». Как мы знаем, Мефодий действительно не нарушил этой последней воли брата. Всеми силами души предан был Константин своему делу просвещения славян, для которого дано было ему так мало времени, и последней его мыслью на одре смертном была мысль об этой покидаемой им пастве; он молился о ней Богу: «Господи Боже мой, всегда везде внимающий молитвам творящих волю Твою! Вонми и моей молитве и сохрани верное стадо Твое, к которому был Тобою приставлен я, недостойный и неключимый раб Твой; непусти никому из них возвратиться к злобе безбожного язычества, избави их от всякого совращающего и хульного еретического языка; возрасти Церковь Твою множеством и, всех совокупив в единомушие, сотвори их беспорочными людьми, единомыслищими о истинной вере Твоей и правом исповедании, вдохни в сердца их слово Твоего учения, чтобы простирались на добрые дела и творили угодное Тебе; что дал Ты мне, предаю Тебе, как Твое: устрой их сильною Твоею десницею, покрывай их кровом крыл Твоих, да все хвалят и славят имя Твое во веки».

Дорогие сердцу Константина славянские книги были торжественно признаны и освящены папою, но были признаны только одним папою, а не всем духовенством, и притом Константин, вероятно, подозревал неискренность этого признания. Конечно, невыразимо тяжело было думать Константину, что так непрочна судьба его великого дела, что

взойдет на престол другой папа или изменятся виды сьятото престола и славянские книги могут подвергнуться жестокому гонению; помышляя об этом, Константин молился в своей предсмертной молитве, чтобы Господь погубил триязычную ересь. Лобзав всех спутников своих сьятым лобзанием и благословив Бога, Константин скончался 14 февраля 869 года, на 43 году жизни.

Константин успел приобрести себе величайшее уважение у папы Адриана, и поэтому бранные останки славянского апостола были удостоены необыкновенных почестей. «Повеле же апостолик (то есть папа), — говорит биограф, — ко всем грекам, иже в Риме, также и римлянам со свещами шедшеся, итти над ним и творити провожание ему, якоже и самому папеже»⁵⁵, то есть отпевать тело его с такою же пышностью и торжественностью, с какой отпевают тело пап. Для погребения Мефодий хотел отнести тело брата в свою родную Солунь; со слезами прося у папы дозволения на это, он говорил: «Мать наша, отпускающая нас на чужую сторону, заклела нас, чтобы тот, который умрет прежде, оставшимся в живых принесен был в свой «монастырь». Мать Константина как будто предчувствовала, что более уже не видать ей самого дорогого ее детища... Папа сначала было согласился на просьбу Мефодия и для далекой перевозки приказал положить тело Константина в нарочно приготовленную прочную раку; но к нему приступили римские епископы и требовали, чтобы прах знаменитого мужа был оставлен в их городе. «Если после его странствования по многим землям, — говорили епископы, — Бог привел его сюда и здесь взял его душу, то здесь должно и лежать ему как мужу, составляющему честь для города». Папа согласился с этими представлениями епископов и, взяв назад согласие, данное Мефодию, приказал погребсти тело Константина в Риме. Желая показать все свое уважение к умершему, папа повелел было, нарушая для него существовавший обычай, положить его в церкви святого Петра, в своем собственном гробе и в тех склепах, где лежали тела одних только пап, но тогда Мефодий со своей стороны просил, чтобы Константин, если уже непременно хотят похоронить его в Риме, был положен в церкви святого Климента, с мощами которого он пришел туда; вероятно, Мефодий исполнял предсмертное желание брата, который мог просить его, чтобы в случае невозможности похоронить его тело на родину положили его именно в церкви святого Климента. В этой церкви по правую сторону алтаря и был Константин торжественно погребен...

Отседе будут предметом нашей речи жизнь и деятельность одного Мефодия. Как намеревался поступить Мефодий после смерти Константина: хотел ли он вместе с моравскими учениками, поставленными папою во священники, снова на некоторое время возвратиться в Моравию, чтобы окончательно утвердить в стране славянское богослужение, так сказать, собственными руками, или, отпустив моравов одних и навсегда простившись с ними, хотел нести славянские книги в какую-нибудь другую славянскую землю? Биографы ничего не отвечают на этот вопрос. Но как бы то ни было, дело скоро решилось помимо собственных предположений Мефодия, именно: в самое непродолжительное время после смерти Константина, когда еще ничего положительного не было предпринято Мефодием и когда еще вместе с ним оставались в Риме и моравские ученики Константина, прислал к папе просить Мефо-

дня уже известный нам Коцел, князь Блатенский. Так как папа немедленно изъявил свое полное согласие на просьбу Коцела, с тем только ограничением, чтобы Мефодий шел не только к нему одному, но и к Ростиславу и Святополку Моравским, от которых они с Константином пришли в Рим, а также и ко всем вообще тамошним славянам, то Мефодий имел отправиться из Рима вместе с новопоставленными моравскими священниками в страны своей прежней деятельности.

Выше мы говорили, что Коцел, князь Блатенский, находился совсем не в таких отношениях к немцам, как Ростислав, князь Моравский, что, будучи посаженным на своем столе, он отличался от простого губернатора провинции только пожалованной отцу его наследственностью владения. По этой полной зависимости своей от немцев Коцел, как мы говорили выше, вовсе не мог участвовать в посольстве Ростиславовом в Константинополь и, несмотря на все свое желание, никак не смел пригласить к себе Константина из Моравии во все продолжение трехлетнего там пребывания этого последнего. Что же вдруг дало Коцелу смелость просить себе Мефодия у папы, когда славянские книги, для которых он просил его к себе, по-прежнему оставались ненавистными немцам? Биографы ничего не отвечают на этот вопрос, но дело довольно ясно и само по себе. Коцел желал ввести в своей области славянское богослужение не менее горячо, чем Ростислав. Пока не было известно ему, как смотрит на славянские книги папа, он не мог думать об исполнении своего желания, потому что в случае нерасположения к ним папы никто не спас бы его от гнева за них со стороны немцев. Но вот Коцел узнал, что Константин и Мефодий приняты в Риме самым благосклонным образом, что славянские книги их торжественно освящены на престоле святого Петра и моравские ученики их поставлены во священники. При получении известия обо всем этом Коцел очень простым образом мог возыметь смелость обратиться к папе с просьбою и ему дать славянского учителя и славянское богослужение; немцы, его полные господа, по-прежнему ненавидели славянские книги, но он мог надеяться, что папа защитит его от их гнева и прикажет им дозволить быть в его стране славянскому богослужению. <...>

Согласившись на просьбу Коцела отпустить к нему Мефодия, папа, как мы сказали, послал Мефодия не к одному только князю Блатенскому. В Житии читаем об этом так: «Послав же Коцел к апостолику, проси Мефодия, блаженного учителя нашего, дабы ему отпустил, и рече апостолик: не тебе единому токмо, но и всем странам тем словенским слю и учителя от Бога и от святого апостола Петра, первого настояльника и ключедержца Царствию Небесному»⁵⁶. Мы думаем, что на слова «не тебе единому токмо, но и всем странам тем словенским» и проч. не должно смотреть как только на простую фразу со стороны автора Жития или, если он точно передает тут слова папы, как на простую фразу этого последнего; мы думаем, что, напротив, словами этими обозначается действительное и очень важное поручение, возложенное папою на Мефодия. Известно, что Римские первосвященники тех времен, ревностно заботясь о расширении пределов своего духовного господства, усердно старались о распространении христианства между оставшимися еще тогда в язычестве европейскими народами, что, движимые этими побуждениями властолюбия, они как сами от себя посылали к указанным народам проповедников, так и ревно-

стным образом поддерживали и тех проповедников, которые первоначально выступали на проповедь помимо их приглашения. <...>

Из всего сказанного следует, что возможность устроить для обращения славянского народа хорошую миссию должна была составлять для папы самую желаемую возможность, что они не могли преминуть им воспользоваться. Но уже, конечно, нельзя было папам дожидаться лучшего случая для осуществления этой возможности, как прибытие в Рим Константина с Мефодием; эти так счастливо посланные судьбой в их распоряжение греки не только хорошо знакомы со славянами и их языком, но имели в руках своих такое сильное средство для привлечения славянских народов к христианству, как богослужебные христианские книги на собственном языке этих народов. Итак, мы думаем, что папа Адриан действительно поспешил воспользоваться представившимся ему отличным случаем устроить миссию для обращения славянских народов и что приведенные выше слова Жития «не тебе едину токмо, но и всем странам тем словенским слю и учителя» и проч. значат именно то, что папа возложил на Мефодия поручение быть устроителем и начальником этой миссии для обращения славянских народов и вместе для приведения их под власть Римского апостольского престола. Славянские языческие народы, на которые мог простираť свои виды папа Адриан, то есть о существовании которых знали тогда в Риме, были: чехи, поляки, сербы лужицкие и занимавшие обширную территорию славяне балтийские; таким образом, поручение, возложенное папою на Мефодия, должно было состоять в том, чтобы он, утвердив свое пребывание у крещенных уже князей Моравских и Блатенского, здесь приготавливал и отсюда высылал проповедников ко всем указанным народам. <...>

Отпуская Мефодия к месту его деятельности, папа послал с ним к князьям Моравским и Блатенскому свою грамоту. Прежде всего читается в этой грамоте то замечательное место о посольстве моравском в Константинополь, именно — что моравы, прежде чем обращаться к грекам, просили учителя у папы и что последний не успел удовлетворить их просьбу. Затем, похвалив Константина, который во время пребывания в стране, подвластной папскому престолу, ничего не сотворил, кроме канона, папа пишет о настоящем присыле к ним Мефодия: «Умыслили мы, испытав, послать в страны ваши сына нашего Мефодия, которого мы посвятили (во священники) с учениками (его), мужа совершенного разумом и правоверного, чтобы научил вас, как вы просили, перелагая на ваш язык книги, сполна всего церковного чина и со святою миссой (т. е. литургией) и крещением». Обращаясь далее вообще к вопросу о переводе богослужебных книг на славянский язык, папа пишет: «Философ Константин, Божию благодатию и молитвами святого Климента, положил начало (переводу); если и другой кто в состоянии будет переводить «достойно и правоверно», то дело сие есть святое и благословенное Богом и нами и всею католическою и апостольскою Церковию, дабы могли вы удобно навыкнуть заповедям Божиим, только наблюдайте следующее одно правило: на литургии пусть читают Апостол и Евангелие сначала по-римски, а потом по-славянски, дабы исполнялись таким образом слова Святого Писания: «яко восхвалят Бога все языцы», и другая: «вси възглаголют языки различны величия Божия» и проч. «Если же кто от данных вам учителей,—

заключает папа, разумея своих латинских епископов, — отвращая от истины к безумным басням, начнет в иную сторону совращать вас и поносить книги вашего языка, то да будет отлучен... доколе не исправится, ибо такие суть волки в одежде овчей»⁵⁷. <...>

Благосклонность папы к славянским богослужебным книгам, доведенная им в этом послании до такой степени, что он не только восхваляет Константина за положенное им начало и благословляет докончить все, недоконченное им, но и угрожает церковным отлучением всякому, кто дерзнет поносить эти книги, по-видимому, свидетельствует о том, что Адриан и был на стороне этих книг не притворно, а совершенно искренно. <...>

О поставлении во священника Мефодия и о поставлении во священника и другие церковные степени Моравских учеников Константина папа выражается так, что как будто поставления эти имели место перед самым отбытием Мефодия из Рима. Очень может быть, что это и действительно было так, то есть очень может быть, что после того посвящения пятерых из числа Константиновых учеников (о которых мы упоминали выше), которое совершено было в самом непродолжительном времени после пребывания Константинова в Риме, посвящение остальных по неизвестным причинам замедлилось и совершено было действительно только перед самым отъездом из Рима Мефодия, а с ним и этих моравских учеников Константина. В то или в другое время посвящены были моравские ученики Константина, но так как во всяком случае несомненно следует из послания папы, что они отправились из Рима домой не ранее, как вместе с Мефодием, то рождается еще вопрос: зачем они так долго держимы были в Риме, тогда как, будучи посвящены и отпущены в скором времени, они давно бы могли открыть в Моравии славянское богослужение? На вопрос этот мы не можем дать никакого ответа... О Мефодии папа говорил в своей грамоте, что послал его к князьям, испытал его. По словам преемника Адриана — Иоанна VIII, это испытание будто бы состояло в том, что Мефодий и словесно и письменно обещался святой Римской Церкви и апостольскому престолу содержать и проповедовать веру, как содержит и проповедует ее эта последняя Церковь⁵⁸. Но что в действительности мог обещать папе Мефодий, об этом будет сказано ниже.

Посланный к князьям Моравским и Блатенскому, Мефодий сначала явился к Коцелу. Так как он шел из Рима, по всей вероятности, той же самой дорогой, которой вместе с Константином шли они в Рим, то владения Коцеловы лежали на пути его в Моравию, и, следовательно, он во всяком случае должен был явиться к князю Блатенскому, а не к князьям Моравским. Но были для Мефодия особенно важные побуждения идти сначала к Коцелу, а не к Ростиславу со Святополком. Во-первых, Паннония Коцелова более нуждалась в его присутствии и деятельности, нежели Моравия; всё, что требовалось для введения в этой стране славянского богослужения, было уже сделано прежде, и теперь только оставалось пришедшим из Рима вместе с Мефодием новопоставленным моравским священникам открыть там славянское богослужение; напротив, в области Коцеловой предстояло начинать с самых первых оснований. Во-вторых, в то время, как Мефодий прибыл к Коцелу, в Моравии свирепствовали ужасы войны: вся страна была наводнена немецкими полчищами, а сам князь сидел в своем стольном

городе⁵⁹; при таком положении дел в Моравии трудно было думать о путешествии в нее Мефодию.

С неописанной радостью и величайшими почестями принял Коцел прибывшего к нему Мефодия; теперь он мог, наконец, быть уверен, что услышит у себя, подобно князьям Моравским, свое родное, славянское богослужение. Но прежде чем просить Мефодия заняться приготовлением будущих священников, князь Блатенский возымел новый замысел. Желания человеческие, как известно, неограниченны, и почти всегда бывает так, что едва исполнилось одно желание, как тотчас же является другое, большее. Так случилось и с Коцелом. Посылая к папе просить себе Мефодия, едва ли он слишком крепко надеялся, что исполнится его пламенное желание видеть у себя славянского апостола с его славянскими книгами. Но против его ожидания просьба его была удовлетворена папою немедленно и с величайшей готовностью; и вот является у него другое желание, именно: не довольствуясь просто присутствием у себя Мефодия, он возымел желание видеть его своим Паннонским епископом. По отношению к немцам это был со стороны Коцела шаг до последней степени смелый и дерзкий: будучи на своем княжении не более как наследственным губернатором (маркграфом), он отваживается против воли немецкого короля изъять свою область из ведения своего митрополита Зальцбургского, непосредственно к епархии которого принадлежала Паннония. На что Коцел при этом рассчитывал? Так как мысль об отдельной епископии не была внушена ему кем-нибудь другим, а родилась у него самого, и так как сам по себе он ровно ни на что действительно не мог рассчитывать, то, прежде всего, нет сомнения, он полагается на простое авось, которое оказалось так удачным в первый раз. Но потом, когда Коцел заявил свою мысль Мефодию, для надежды его могли быть указаны более прочные, на его счастье, в действительности имевшиеся основания. Мефодий в свое пребывание в Моравии, а еще больше в свое пребывание в Риме очень хорошо мог познакомиться с тогдашними отношениями в латинской иерархии, и эти-то отношения могли подавать некоторую надежду на успех Коцелова замысла. Первосвященник Римский в то время уже был признаваем верховным и всеобщим главою западной половины Церкви; но власть его по отношению к подчиненным ему митрополитам в то время еще не доходила до такой степени неограниченности и безусловности, на которой мы видим ее впоследствии; напротив, вторая половина IX века была именно временем борьбы между папами и провинциальными митрополитами за обоюдные пределы власти, причем самое жаркое время этой борьбы именно совпадает со временем деятельности у западных славян Константина и Мефодия: со стороны Рима самый сильный борец был знаменитый папа Николай I (858—867), завещавший свой пример преемникам своим Адриану II (867—872) и Иоанну VIII (872—882)⁶⁰. В своей борьбе с митрополитами папы с радостью хватались за всякое средство, с помощью которого могла быть так или иначе ослаблена сила митрополитов. И вот тут-то Мефодий мог указать Коцелу действительные основания для надежды, что просьба его благосклонно будет принята папою. Паннония, в пределах которой находилось княжество Коцелово, некогда имела своих собственных архиереев, зависящих прямо от первосвященника Римского; прося для страны своей особого епископа, Коцел мог указывать папе на эту преж-

нию ее церковную самостоятельность, и можно было с основанием надеяться, что папа с радостью схватится за предлог урезать слишком большие пределы области митрополита немецко-баварского (Зальцбургского). Правда, Паннония была самостоятельной слишком давно, именно — до того великого переселения народов, которое совершенно изменило лицо Европы и положило конец всем прежним счетам, начав историю Европы заново; но так как дело шло о собственных интересах папы, то смело можно было надеяться, что права времени, как это действительно случилось, будут признаны бессильными над правами Римского апостольского престола. Это с одной стороны. По отношению к самому Мефодию также были основания требовать для него у папы сана епископского. Мефодий должен был по поручению папы устроить и ведать миссию для обращения в христианство славянских языческих народов. Но начальнику миссии, так как предстояли нередкие случаи посвящения в церковные степени, а также и по другим многим соображениям, удобнее было иметь сан епископский, чем просто священнический. Когда мы высказываем предположения, что Мефодий мог ободрять и укреплять Коцела в его надежде получить отдельного епископа, что он мог указывать князю на такие обстоятельства, которые на самом деле несколько ручались за успех попытки, то мы приписываем Мефодию те же самые желания, которые были у Коцела. Действительно, мы думаем, что Мефодий принял мысль Коцела об отдельной епархии для Паннонии и о своем собственном епископстве с самым полным одобрением. Но поспешить видеть тут что-нибудь предосудительное для Мефодия, заподозрить его в честолюбии — значит понять дело совершенно не надлежащим образом. Если мы припомним себе предшествующую жизнь Мефодия, то легко увидим, что заподозрить досточтимого мужа в пороке честолюбия — значит наносить ему величайшее оскорбление. Но, несмотря на это, он должен был одобрить желание Коцела и сам желать себе сана епископского; вовсе не честолюбив был Мефодий, но Провидением было указано ему быть просветителем славян; не мог помыслить он отказаться от сужденного ему великого дела, но если хотел себе успеха в своей деятельности, то именно он должен был желать себе сана епископского: священником бы он оставался в зависимости от того или другого из латинских епископов, которые все до одинаковой степени проникнуты были враждой к славянскому богослужению и от которых ничего нельзя было ожидать ему, кроме самого решительного противодействия; а поэтому он должен был желать себе епископства для того, чтобы стать независимым в своей деятельности от епископов латинских, и, следовательно, желать себе епископства не из честолюбия, а из желания действительных себе успехов в том деле просвещения славян, которому он самоотверженно хотел посвятить себя.

По всей вероятности, прежде чем Мефодий отправился в Рим, Коцел посылал к папе узнать, как будет принята просьба, и Мефодий пошел в Рим только уже после получения отсюда положительного ответа. Как бы то ни было, Мефодий отправился в Рим с торжественным посольством от князя Блатенского в сопровождении 20 мужей и немедленно был посвящен папою в епископа Паннонского, в настояльника папе Андронику, основателю кафедры Паннонской.

Житие Мефодия не говорит, что побудило папу с поспешностью

удовлетворить просьбу Коцела, но, как видно из дальнейшей истории, побуждениями этими были те обстоятельства, о которых мы говорили выше, то есть желание папы воспользоваться благоприятным предложением для сокращения пределов слишком обширной епархии митрополита Баварского и желание доставить Мефодию в его деятельность, как начальника миссии славянской, большую свободу и независимость. Итак, исполнилась мечта Коцела иметь собственного епископа, и Мефодий, поставленный папою в епископа автокефального, то есть имевшего находиться в подчинении не у митрополита немецкого, а непосредственно у самого папы, имел право мечтать, что без всяких препятствий с чьей-либо стороны введет в стране славянское богослужение и даст ей собственное родное духовенство. Но Коцел и Мефодий слишком много рассчитывали на покорность немцев воле папы, и князю Блатенскому суждено было получить все, о чем он мечтал, только затем, чтобы тотчас же снова его потерять. Странно, что немцы сидели сложа руки, когда Коцел хлопотал о самостоятельном и славянском для своей области епископе, и уже только тогда решились употребить свои меры, когда его старания были осуществлены. Но едва ли следует думать, что они имели в виду, так сказать, потешиться над Коцелом, то есть нарочно не препятствовали получить ему епископа, затем, чтобы иметь жестокое удовольствие немедленно обратить в прах только что осуществленную мечту; по всей вероятности, причина была иная, именно: скорее всего Коцел вел все дело в глубокой тайне, так что немцы узнали о нем не ранее, как Мефодий явился в Паннонию уже в сане епископа; стань действовать Коцел открыто, немцы, нет сомнения, тотчас приказали бы ему бросить затею; но, действуя тайно, он мог рассчитывать, что, не смея противиться папе, король и епископы, хотя и с неудовольствием, но признают свершившийся факт открытия Паннонской епархии. Как бы то ни было, но недолго пришлось Коцелу видеть у себя своего Паннонского епископа. Едва прибыл Мефодий в свою епархию и начал свою деятельность, как позван был на суд немецкого короля и на собор всех немецких епископов. Биограф Мефодиев сообщает нам некоторые сведения об этом суде. «Кто дал тебе право учить в нашей церковной области?» — спрашивали Мефодия немецкие епископы. Мефодий отвечал, что если бы Паннония действительно была их областью, то он не пришел бы в нее, но что она принадлежит не митрополиту немецкому, а непосредственно престолу святого Петра, то есть папе. Угрожая епископам за их посягательство на чужие области гневом папы, Мефодий присовокупил: «Попирая каноны церковные, вы по зависти и любостыжанию наступаете на чужие пределы и возбраняете проповедовать учение Божие, но смотрите, вы думаете пробить костяным теменем железную гору (разумеется папа), как бы не пролить вам своего мозга». Когда епископы, приведенные в крайний гнев этими словами Мефодия, с угрозой сказали ему, что подобные речи могут иметь для него очень худые последствия, Мефодий отвечал: «Говорить истину не постыжусь и пред царями, а вы можете творить надо мной свою волю, ибо я не больше тех, которые за правду терпели мученическую смерть». После этого, по словам биографа, были и еще продолжительные речи, но епископы не могли противиться и отвечать Мефодию; наконец, король, желая привести бойца в замешательство, насмешливо сказал: «Будет, не трудите больше моего Мефодия, видите, он

вспотел, как у печи», но получил в ответ: «Да, государь: раз встретил народ потного философа и спросил его, отчего он потен; философ отвечал, что держал спор с невежественными противниками».

Епископы немецкие остались побежденными в прениях, но на их стороне была сила, и собор кончился тем, что король приказал схватить Мефодия и отправить в ссылку. Может быть, имея в виду пресечь Мефодию всякую возможность бегства, а славянам просто всякую возможность помощи ему в том, король назначил местом ссылки Швабию, область, лежавшую в противоположную от Греции сторону королевства и нигде не соприкасавшуюся с землями славянскими, то есть вообще область крепко для Мефодия запертую.

В свое слишком кратковременное пребывание у Коцела Мефодий, разумеется, не успел сделать того, что нужно было сделать для введения в его стране славянского богослужения, то есть, разумеется, не успел приготовить из его собственных славянских подданных достаточного числа людей, которые могли бы быть поставлены во священники; да если бы он успел сделать это, то его труды были бы совершенно напрасными, потому что немцы, отправив в ссылку его самого, разумеется, отняли бы у его учеников возможность получить посвящение или по крайней мере никак не дозволили бы совершать в Паннонии славянского богослужения. Так пребывание Мефодия в Паннонии ознаменовалось только тем, что сам он со своими константинопольскими путниками совершал в стране славянское богослужение и что таким образом он дал тамошним славянам возможность слышать это родное для них богослужение. Но мы имеем известие о том, как достаточно было и одного Мефодиева прибытия в славянскую страну, чтобы все поголовно ее славянское население тотчас же бросило своих латинских пастырей и чтобы эти последние, оставшись совершенно без пасомых, увидели себя в необходимости возвратиться к тем, от кого были присланы. Это известие о прибытии Мефодиевом в Паннонию сообщает нам так называемый Аноним Зальцбургский, писавший или в то именно время, как Мефодий после возвращения своего в Паннонию в сане епископа еще оставался в стране, или тотчас после того, как он был схвачен королем немецким и отправлен в Швабию. С целью доказать неотъемлемые права немецкого духовенства на паннонских славян Аноним составил записку о христианстве у этих последних до прибытия в их страну Мефодия, здесь показав, что славяне паннонские и крещены были немецким духовенством, и постоянно находились в заведовании этого духовенства, принадлежа к епархии архиепископа Зальцбургского и будучи управляемы через посылаемых от последнего архипресвитеров; автор говорит о прибытии в Паннонию Мефодия и о последствиях этого прибытия для немецкого духовенства. <...>

Нет ничего удивительного, если действие столь решительное, как немедленное отпадение от немецкого духовенства всего народа, привело немцев в такой неистовый гнев, что они даже отважились посягнуть на личность только что посвященного папою в епископа Паннонского Мефодия.

Непродолжительна была первая деятельность первого славянского епископа. Но когда Мефодий, указывая немецким епископам на волю папы, говорил, что они хотят костяным теменем пробить железную гору, то это не значит, что он хотел утешать себя призрачной, только в его

собственном воображении существовавшей помощью: епископы немецкие действительно не в состоянии были бороться с волею папы. А поэтому и дело славян, пока был на их стороне папа, вовсе не могло считаться проигранным. Князь Блатенский, так скоро и насильственно лишенный данного ему епископа, поспешил донести обо всем в Рим, и конец был тот, что король и епископы немецкие, продержав Мефодия в заключении два года с половиной, вынуждены были снова возвратить его на его кафедру. Автор Жития не выставляет годов событий; в дошедших до нас нескольких официальных актах относительно возвращения Мефодия из ссылки, к сожалению, также не находится числовых помет, поэтому мы можем определить время сейчас рассказанных нами происшествий только приблизительно. Не говорит прямо автор Жития, но заставляет предполагать, что Коцел прислал к папе просить себе Мефодия не слишком много спустя времени после смерти Константина, то есть вообще спустя то или другое количество месяцев, а не годов; далее довольно ясно видно из Жития, что Мефодий вторично отправился из Паннонии в Рим для поставления в епископа спустя слишком непродолжительное время после своего в нее прибытия; наконец, как довольно ясно видно из Жития, так и само собой необходимо предполагать, что собран был на Мефодия собор и он послан был в ссылку в самое непродолжительное время после своего возвращения из Рима в сане епископа. Таким образом, событие осуждения и ссылки Мефодиевой приблизительно должно быть отнесено к концу 870 года или началу 871 года. Мефодий, как мы сказали выше, провел в ссылке целых два с половиной года. Коцел, нет сомнения, послал с донесением и жалобой к папе тотчас же, как случилась катастрофа; но по необходимости дело должно было протянуться слишком долго: получив жалобу, папа, конечно, прежде чем посылать какое-нибудь предписание к немецким епископам, посылал допросить их о причине их поступка; затем более чем вероятно, что такая решительная мера, которой папа заставил епископов освободить Мефодия, была употреблена им уже только после того, как оказались недействительными предшествующие простые предписания, то есть что папа должен был бороться с упорством немецких епископов довольно продолжительное время. К этому присоединились еще особые обстоятельства, которые должны были prolongить время заключения Мефодиева на несколько лишних месяцев: это именно смерть одного папы и восшествие на престол другого; так как Адриан II, которым посвящен был Мефодий и при котором он подвергся заточению, умер в конце 872 года, то само собой естественно, что должно было пройти более или менее продолжительное время прежде, чем новый папа, Иоанн VIII, от других дел обратился к делу Мефодиеву, а может быть, почему-нибудь было и так, что к новому папе нужно было обращаться с новой жалобой. Как бы то ни было, король и епископы немецкие, продержав Мефодия в заключении два с половиной года, наконец, должны были уступить непреклонной воле папы и возвратить ненавистного им епископа Паннонского снова на его кафедру. Папа заставил короля и епископов повиноваться себе крутой мерой, именно, как сообщает Житие, папа «посла клятву на ня (епископов), да не поют службы вси королеви епископи, дондеже и (Мефодия) держат»⁶². Как мы замечали выше, папа обратился к этому крайнему средству, по всей вероятности, после того, как оказались недейств-

вительными простые предписания. В регестах Римских первосвященников читаются две буллы папы Иоанна VIII, время и причины происхождения которых положительно неизвестны, но которых связь с делом освобождения Мефодия более чем вероятна; буллы эти суть послание к немецкому королю Людовику и верительная грамота Павлу, епископу Анконитанскому (Анконскому), отправлявшемуся папским послом в Германию и Паннонию. В послании к Людовику⁶³ папа доказывает немецкому королю, что «диоцез Паннонский издревле пользовался привилегией принадлежать (непосредственно) апостольскому седалищу»; «о сем свидетельствуют, — говорит папа, — соборные деяния, сие доказывают писания исторические, поелику злоба враждебных смут долго препятствовала апостольскому седалищу назначить туда настоятеля, то и пришло сие у людей неведущих в сомнение; но никто да не пользуется числом лет, как предлогом к отказу, ибо привилегии святой Римской Церкви не терпят ущерба ни от какого продолжения времен, не уничтожаются никакими разделениями (переделами) царств». В верительной грамоте Павлу, епископу Анконитанскому⁶⁴, читаем: «Не только в Италии и прочих провинциях Геспери, но и в пределах всего Иллирика апостольское седалище издревле обыкло (то есть апостольскому седалищу издревле принадлежит право) творить посвящения, производить распоряжения и устроить порядок; если же, может быть, кто-нибудь станет препираться о числе лет, то пусть знает, что между христианами и теми, которые одной веры, действительно установлено определенное число, а где дело идет о неистовстве язычников и неверных, там остаются ненарушаемыми права Церкви, сколько бы ни прошло времени». Мы сказали, что связь этих двух булл папы Иоанна VIII всего более имеет побуждений защищать и доказывать перед немцами свои права на Паннонию именно в то время, как поставленный его предшественником епископ Паннонский был немецкими епископами насильственно низведен со своего престола. Но если это на самом деле так, то есть если приведенные нами буллы на самом деле относятся к тому времени, как Мефодий находился в заточении, то они дополняют наши сведения относительно его возвращения из швабского плена. Прежде всего, буллы дают видеть, что немцы, защищая перед папою свой поступок с Мефодием и отказываясь возвратить его на его епископский престол, ссылались на то, что он был поставлен в епископа Паннонского незаконно, что Паннония принадлежала в церковном отношении им, немцам, а вовсе не непосредственно папскому престолу. Далее мы видим из булл, как папа опровергал эти притязания немцев на Паннонию и доказывал действительность своих собственных непосредственных на нее прав; именно эту действительность своих прав папа доказывает тем, что Паннония, которою в последнее время владели немцы, в древнее время принадлежала папскому престолу, а так как при этом, 1) хотя немцы и владели ею довольно долго, но получили ее в свою власть единственно вследствие нашествия варваров, которое препятствовало папам посылать туда настоятелей и которое вовсе не принадлежит к числу случаев, имеющих силу сообщить факту владения право давности; так как 2) привилегии святого седалища не могут быть уничтожены и никакими вообще продолжениями времен, и никакими переменами в разделении царств, следовательно, не могут быть уничтожены и какими бы то ни было вообще причинами, то она — Панно-

ния — и должна быть снова возвращена этому святому седалищу. Из верительной грамоты Павлу, епископу Анконитанскому, мы узнаем, что требовать освобождения Мефодия папа посылал к немцам своего легата, именно этого Павла Анконитанского. По всей вероятности, этому же легату дано было папой полномочие в случае упорства немцев прибегнуть к той строгой мере, о которой говорит автор Жития, то есть положить на них церковное запрещение. Одно из посланий папы Иоанна VIII к Мефодию, писанных в последующее время, именно послание от 18 июля 879 года⁶⁵, дает знать, что когда-то, прежде 879 года, Мефодий имел личное свидание с Павлом Анконитанским; если это было именно в настоящий раз, то из этого будет следовать, что легат папский не удовлетворился только обещанием немцев освободить Мефодия, а что, напротив, он не прежде удалился из Германии, как Мефодий был действительно освобожден, и что он сам собственными руками снова посадил его на его престол.

В сейчас упомянутом нами послании папы к Мефодию 879 года есть и еще место, которое также относится сюда, это именно слова папы о тех предписаниях, которые будто бы должен был передать от него Мефодию при возвращении последнего из ссылки Павел Анконитанский. Возбужденный доносами немцев в подозрительности против Мефодия, а папа названным своим посланием требует Мефодия, тогда уже архиепископа Моравского, к себе в Рим и, порицая в нем последнего за то, что поет миссы на варварском, славянском языке, пишет: «Еще грамотами нашими, отправленными к тебе с Павлом, епископом Анконитанским, мы запретили тебе совершать на оном языке священные торжества мисс, но или на латинском, или на греческом языке» и проч. На основании этих, по-видимому, слишком ясных и определенных слов папы мы должны были бы в числе обстоятельств, сопровождавших Мефодия из ссылки, говорить и об этом запрещении славянских книг, представляющем собою обстоятельство такой великой важности. Но не может подлежать никакому сомнению, что слова папы, несмотря на всю их видимую точность и определенность, вовсе не должно понимать в буквальном смысле, то есть не может подлежать сомнению, что, возвращая Мефодия из ссылки, папа вовсе не налагал запрещения на его славянские книги. Папа самым энергичным образом требовал возвращения Мефодия из ссылки потому, что при этом отстаивал свои притязания на Паннонию. Но очевидно, этой одной причины еще недостаточно для объяснения его настойчивости; если бы для папы важно было только то, чтобы не оставить за немцами Паннонию, то он мог бы достигнуть своей цели и не требуя освобождения Мефодия, то есть мог бы достигнуть ее тем, что вместо захваченного немцами Мефодия поставил бы в Паннонию другого от себя епископа; при этом даже расчетливее было бы для папы не настаивать на освобождении Мефодия, чем настаивать, потому что уступкой немцам ненавистного для них грека он мог бы отчасти помирить их с собой за отнятие у них страны. Таким образом, если папа непременно требовал освобождения Мефодия, то из этого необходимо следует, что сколько важна была для него Паннония, столько же важна была и личность этого последнего...

Итак, епископы немецкие принуждены были освободить Мефодия. Но они сделали это со страшной внутренней злобой, и, передавая Мефодия Коцелу, они грозили князю: «Если будешь держать его у себя,

то не разделаться тебе с нами добром». Что ожидало Мефодия у князя Блатенского после освобождения? Ожидало самое неутешительное будущее; сам князь совершенно бессилён был защищать своего епископа, а папа был слишком далеко; не отправляя в новую ссылку, епископы немецкие и на месте могли стеснить Мефодия так, что он был бы епископом только по имени и был бы лишен возможности что-нибудь делать; Мефодий стал бы жаловаться папе, но слишком подолгу приходилось бы ждать решения на каждую жалобу и, получив удовлетворение на одну, тотчас бы приходилось обращаться с другой, и так без конца; очень может быть, что Мефодий не вынес бы и, оставив бесполезную кафедру, возвратился бы в отечество. Но, по счастью для него самого и для славян, случилось так, что вскоре по возвращении из ссылки он снова призван был в малозависимую от немцев Моравию.

Сколько именно времени оставался Мефодий епископом Паннонским после своего возвращения из ссылки, положительно нельзя сказать; несомненно только, что весьма недолго. Мы сказали, что он сослан был или в конце 870, или в начале 871 года; так как он находился в ссылке два с половиной года, то был возвращен из нее или в начале, или во второй половине 873 года. Моравы послали просить к папе его к себе в архиепископы или в том же 873 году, или в начале следующего, 874 года и получили удовлетворение на свою просьбу, по всей вероятности, весьма скоро, то есть приблизительно или в начале, или около половины 874 года. Таким образом, после своего возвращения из ссылки Мефодий вообще оставался епископом Паннонским от полугода до года. Что касается до его деятельности в этот промежуток времени, то положительно о ней мы ничего не знаем; деятельность должна была состоять в том, чтобы продолжать начатое прежде приготовление для паннонских славян священников, которые бы ввели у них славянское богослужение; по всей вероятности, он тотчас же и приступил к этому, но так как время было слишком кратко, то, по всей вероятности, все-таки не успел довести его до конца. Сохранилось до нас два послания папы Иоанна VIII, касающиеся Мефодия и относящиеся к этому кратковременному епископствованию последнего в Паннонии. Одно из посланий — к сыну немецкого короля и герцогу Каринтийскому Карломану⁶⁶; папа просил в нем герцога: «Так как возвращено и восстановлено нами Паннонское епископство, то да будет позволено брату нашему Мефодию, который посвящен туда от апостольского седалища, свободно, по древнему обычаю, совершать то, что принадлежит епископу». Неизвестно, когда именно было отправлено папой к Карломану это послание, то есть непосредственно ли вслед за тем, как Мефодий освобожден был из ссылки; следует предпологать, что немцы, возвратив Мефодию вследствие настойчивых требований папы свободу, тотчас же начали полагать ему всевозможные препятствия в его деятельности и что Мефодий тотчас же после своего освобождения принужден был жаловаться на них папе. Папа обращался со своими представлениями за Мефодия не к самому королю, а к его сыну, герцогу Каринтийскому, без сомнения, потому, что Паннония находилась в ближайшем заведовании этого последнего. Второе послание — к Мутимиру, или Монтимиру, князю Славонии⁶⁷. Папа, убеждая князя перейти от Церкви Греческой к Церкви Римской, пишет в нем последнему: «Увещеваем тебя, чтобы, последовав примеру твоих предков, ты как можно потщился

возвратиться к Паннонскому диоцезу, а поелику туда, благодарение Богу, уже посвящен от седалища блаженного апостола Петра епископ, прибег к его пастырской попечительности». Кто такой этот Мутимир, князь Славонии, положительно неизвестно; но, по всей вероятности, это был тот Мутимир, князь Сербский, о котором упоминает, излагая историю древней Сербии, император Константин Порфирогенет в своем сочинении об управлении государством⁶⁸, потому что из всех известных тогда славянских князей только он один носит имя Мутимира⁶⁹. Что же означает это послание папы к князю Сербскому? Мы думаем, что оно означает очень многое, именно — что указывает на те широкие замыслы папы относительно славян, которые он рассчитывал осуществить с помощью Мефодия и его славянских книг и о которых говорили мы выше. <...>

Обращаемся к переселению Мефодия из Паннонии в Моравию. В своем рассказе об этой последней стране выше мы остановились на том, что ученики Константина, получившие посвящение в Риме, отправились на родину вместе с Мефодием. Готовленные и поставленные во священники затем, чтобы начать в стране родное, славянское богослужение, они, нет сомнения, и действительно сделали это; латинское богослужение, конечно, еще не было при этом вытеснено из Моравии окончательно, потому что число новопоставленных священников, сколь бы ни представляли мы его значительным, во всяком случае далеко не могло быть столь великим, чтобы достало его для всех приходов страны; но по крайней мере теперь могло быть открыто славянское богослужение в значительных, сборных пунктах всех округов страны, и таким образом открылась возможность для всех крещеных ее жителей слышать богослужение на родном языке, по крайней мере, несколько раз в году.

Нет сомнения, что с величайшим восторгом встретили моравы прибывших из Рима своих новопоставленных священников. Но с ними случилось подобное тому, что с князем Блатенским: радость их продолжалась очень недолго и неожиданно сменилась горем. Новопоставленные священники возвратились на родину в середине или в конце 869 года, когда Моравия находилась в войне с немцами, хотя война эта была для моравов страшно бедственна, потому что немцы пронесли по их стране из конца в конец огонь и меч; но так как тем не менее концом ее был такой мир, по которому они получили полную независимость от немцев⁷⁰, то славянскому богослужению у них ничего более не ожидалось, как спокойное процветание и скорое повсеместное водворение. Но моравов, только что достигших верха благополучия, неожиданно постигло несчастье. Племянник великого князя Ростислава, Святополк, бывший удельным князем неизвестной по имени области, по неизвестной причине неожиданно передался со своим уделом немецкому князю (собственно сыну короля, Карломану). Ростислав, разгневанный этой изменой Святополка, хотел схватить и убить его, но, перехитренный последним, сам был захвачен им и немедленно предан тем же немцам. Следствием этого последнего поступка Святополкова было то, что Моравия, только что добившаяся полной независимости от немцев, немедленно очутилась в такой полной их власти, в какой прежде не бывала: сын короля Людовика, Карломан, без всякого препятствия вступил в страну, лишенную государя, во всех городах и крепостях поставил сво-

их немецких чиновников, хотя верховную власть с титулом великого князя отдал Святополку, но приставил к нему двух своих графов⁷¹. Эта несчастная катастрофа, случившаяся со страной, не могла не быть тяжким бедствием для Моравской Церкви, именно: хотя положительно и неизвестно нам, но само собой не может подлежать никакому сомнению, что немцы тотчас же после того, как овладели Моравией, самым решительным образом воспретили в ней славянское богослужение. Поставленные в Риме моравские священники, как мы говорили выше, возвратились на родину в середине или конце 869 года. Ростислав был захвачен Святополком и Моравия занята немцами в середине 870 года, следовательно, на этот первый раз славянское богослужение совершалось в моравских церквях или около года, или, что вероятнее, полгода.

Выше мы видели, что после и вследствие посольства Ростислава в Константинополь моравы были освобождены папой от власти ненавистных для них немецких епископов и страна их была причислена к церковному округу Венецианского митрополита. Но в первые годы правления Святополка, как увидим ниже, духовенство у моравов опять было немецкое. Когда же случилось это возвращение Моравии снова под власть немецких епископов? Оно не могло случиться никогда более, как именно в это указанное нами сейчас время неограниченного господства немцев над страной. Ненавистно было для немцев славянское богослужение; но сколько само по себе, столько еще и потому, что для этого богослужения должны были явиться у моравов и других славянских народов собственные славянские священники и епископы, что моравы и другие славяне должны получить собственное, независимое от них церковное управление, то есть славянское богослужение было ненавистно для немцев сколько само по себе, столько еще и потому, что, во-первых, через него духовенство немецкое лишалось своих десятин и всех вообще церковных доходов со славянских стран, что, во-вторых, государственная власть немецкая лишалась в церковной зависимости славян одного из самых действительнейших средств к политическому их подчинению. Из всего этого очевидно, что для немцев не могло быть большого различия, совершается ли в Моравии богослужение славянское, или богослужение латинское, но только не их, немецкими, а итальянскими священниками, то есть из всего сказанного очевидно, что последнее обстоятельство было для них ненавистно столько же, сколько и первое. Долго пришлось немцам терпеть в Моравии итальянских священников и уступать доходы с нее этим последним; но вот неожиданно для них судьба предала страну в самую полную их власть, и нет сомнения, они не дозволили оставаться в ней своим соперникам ни одной минуты. Моравия не насильственно занята была итальянским духовенством, а была передана ему папою; но если с совершенной бесцеремонностью немецкие епископы схватили и послали в ссылку поставленного папою в епископа Паннонского Мефодия, то риск оскорбить папу здесь был нисколько не больший, если не меньший, а следовательно, надлежит думать, что они прогнали итальянских священников с бесцеремонностью нисколько не меньше той, какую показали относительно Мефодия.

Неожиданным образом судьба предала моравов в самую полную власть немцев. Но это еще не был их последний час; может быть, для того, чтобы не оставаться совсем без утешения в дни будущего долгого,

рабства, они имели еще пережить золотой век Святополка, а в церковном отношении видеть страну свою независимой славянской митрополией. В изложении гражданских событий Моравии выше мы остановились на том, что, посадив на престол великокняжеский Святополка, король немецкий оставил ему только один пустой титул, а всю действительную верховную власть вручил двум собственным своим чиновникам. Святополк был вовсе не из тех людей, которые могут довольствоваться подобным жалким положением: добыв престол своего дяди, он немедленно начал стремиться к его власти. Неизвестно, что именно он делал и предпринимал, но следствием его властолюбивых стремлений на первый раз было то, что скоро он был обвинен перед королем в вероломстве и, низведенный с престола, подобно Ростиславу, заключен в темницу. Так как с изложением этого второго князя Моравии угрожало окончательное порабощение, то народ для своей защиты и для прогнания из страны немцев восстал поголовно; чтобы не быть без предводителя, силою возвели на великокняжеский престол одного из родственников бывшим князьям, бывшего до избрания в князья священником и, по всей вероятности, принадлежащего к числу учеников Константиновых, по имени Славомир. Между немцами и моравами началась война, и счастье было постоянно на стороне последних. Когда происходило это, король нарядил суд над Святополком, и так как на суде он найден был невинным, то был освобожден на волю. Желая заставить Святополка забыть нанесенную ему тяжкую обиду, король осыпал его почестями и дарами, но последний сгорал жаждою мщения и, кроме того, уже успел теперь размыслить и убедиться, что латинская политика Моравского государя по отношению к немцам не та, которой он следовал доселе, а та, которой следовал его великий дядя, то есть успел размыслить и убедиться, что ограждать себя от притязаний немцев можно не заискивая перед ними, а только силою оружия. Имея в виду возвратить себе потерянный престол, Святополк повел себя перед немцами необыкновенно искусно и достиг того, что король поручил ему начальство над войском, посланным против моравов. Подступив к стольному городу Моравии Велеграду, Святополк под предлогом увещания осажденных к покорности отправился в крепость; немедленно провозглашенный здесь великим князем, он со всем моравским войском бросился на лагерь немецкий, и так как нападение совершенно было неожиданным для немцев, то истребил их чуть ли не до единого человека. Эта победа доставила Моравии независимость от немцев; но последние не захотели остаться неотмщенными и отказаться от страны, не сделав новых попыток завоевания, и поэтому война продолжалась. Счастье, как и в первый период этой войны, было на стороне моравов: Святополк мужественно и успешно отражал все деланные на него нападения и скоро перешел из положения оборонительного к деятельности наступательной, внося войну и опустошение в пределы королевства. Тогда немцы после трехлетних напрасных усилий увидели себя принужденными заключить со Святополком мир. Это было в 873 году⁷².

Возвратимся теперь к Мефодию, прибытие которого в Моравию в сане митрополита этой страны относится ко времени, непосредственно следовавшему за окончанием войны Святополка с немцами. Рассказав, как Мефодий по требованию папы был освобожден из заточения и как возвратился к Коцелу на свою епископскую кафедру, автор Жития

продолжает: «Приключи же ся тогда, моравляне очушьше немецкыя попы, иже живяху в них не прияюще им, не ков кующе на ня, изгнаша вся, а ко апостолику послаша, глаголюще: «яко и первое отци наши от святого Петра крещение прияли, то даждь нам Мефодия, архиепископа и учителя»». Священники немецкие вторично завладели Моравией, находившейся со времени посольства в Константинополь под властью Венецианского митрополита, как говорили мы выше, в 870 году, когда Святополк предал немцам Ростислава, а с ним и страну. Когда они вторично были из Моравии прогнаны? Мы видим, что следовало за низложением Ростислава, именно — возведение Святополка на великокняжеский престол, его низведение с престола и заключение в тюрьму, его освобождение из тюрьмы и вторичное восшествие на престол и, наконец, продолжавшаяся два года война с немцами и мир с ними. Нет сомнения, священники немецкие, жившие в Моравии, ковали ковы на моравов в пользу немцев именно во время войны одних с другими после вторичного восшествия Святополка на великокняжеский престол; следовательно, в это именно время, то есть в промежуток 871—873 годов, и могли быть прогнаны священники из Моравии. Но так как, во-первых, они были прогнаны уже после того, как Мефодий был освобожден из заточения и возвращен был на свою Паннонскую епископскую кафедру, а это последнее событие не могло иметь места ранее начала 873 года, так как, во-вторых, вероятнее думать, что моравы начали хлопотать о собственном, ни от кого независимом (разумеется, ни от кого, кроме папы) митрополите для своей страны, в чем состояла их просьба к папе о Мефодии, не ранее того, как увидели, что сохраняют свою политическую независимость, то есть или при окончании войны с немцами, когда счастливый исход для них (моравов) был уже несомненен, или даже после заключения мира,— то следует частнее думать, что священники немецкие были прогнаны моравами в 873 году, а именно во второй половине этого года. Причиной изгнания священников автор Жития выставляет именно то, что они ковали ковы против моравов. Но, говоря таким образом, автор передает дело не в надлежащей его полноте: указанное обстоятельство было только одною из причин, и притом причиною вовсе не главною. Пример Коцеловой Паннии показывает Святополку, что для народов славянских, желавших иметь собственное, ни от кого независимое церковное управление, возможно было добиваться этого от папы; но для князя Моравского, только что успевшего заставить немцев признать политическую независимость своей страны, что могло быть желательнее, как не эта церковная от них независимость, без которой никогда не могла быть прочной независимость политическая! Таким образом, Святополк изгнал бы немецких священников из своей страны и в том случае, если бы они вовсе не думали делать чего-нибудь недоброго по отношению к моравам, и изгнал их, главным образом, потому, что хотел получить для страны своей независимое церковное управление. Что касается до Мефодия, то, замыслив испросить у папы своего собственного митрополита, кого более мог Святополк желать себе в митрополиты, как именно не его? Само собой разумеется, что с независимой митрополией государь Моравский желал и славянского богослужения, и, следовательно, он должен был желать себе в митрополиты именно Мефодия, а не кого-нибудь другого, так сказать, необходимым образом.

Итак, Святополк прогнал из Моравии всех немецких священников. После этого он отправил к папе с просьбою, чтобы страна его была сделана независимой от немцев архиепископиию (или митрополию, что одно и то же) и чтобы в архиепископы дан был Мефодий. Мы говорили выше, почему папа Адриан II с великой готовностью исполнил просьбу Коцела дать ему независимого от немецкой митрополии епископа и чем он доказал свое право на взятую у митрополита часть его епархии; с готовностью исполнена была просьба Коцела, между прочим, потому, что желания князя вполне совпадали с собственными видами главы католичества, одною из важнейших задач которого было в то время ослабить силу и значение провинциальных митрополитов; свое право взять Коцелову область у митрополита папа доказывал тем, что Паннония была подведена непосредственно папам в древние времена и что, таким образом, перечисляя страну из ведения митрополита в свое непосредственное ведение, он только возвращал себе свою исконную область. Законен или незаконен был предлог, который выставлял папа, лишая митрополита немецкого части его епархии, это вопрос сам по себе, но важно было то, что он выставлял этот предлог, что, стремясь к ослаблению силы митрополитов, он действительно пользовался этим предлогом, чтобы урезать епархии митрополитов, — и моравы, которые должны были следить за делом о поставлении Мефодия в епископа Паннонского с живейшим интересом, а поэтому и хорошо знать его историю, само собою естественно, немедленно и самым крепким образом приняли к сведению указанное, столько близко касавшееся их обстоятельство. Когда обратились они теперь к папе с просьбою, чтобы страна их была сделана независимой от немцев митрополией, то представили ему именно тот резон, который и надлежало выставить, чтобы папа мог найти просьбу законною и основательною. Коцелу папа дал особого и независимого от немцев епископа потому, что Паннония в древние времена принадлежала непосредственно престолу святого Петра; точно так же моравы просили у папы независимого от немцев и непосредственно ему подчиненного митрополита на том основании, что страна их — законное непосредственное достояние папского престола. «Дай нам Мефодия в особые для нас митрополиты, — говорили они папе, — поелику отцы наши и первоначально приняли крещение от святого Петра». Моравия приняла крещение вовсе не от святого Петра, то есть вовсе не от проповедников римских, а от немцев... Просьба моравов, подобно тому, как года три с половиной просьба Коцела, и по тем же самым расчетам и побуждениям, была немедленно исполнена папою. Счастливым было для западных славян время, когда расчеты делали пап их сторонниками...

После возведения в сан епископа Моравского Мефодий уже не подвергался новым превратностям судьбы; прибыв на свою кафедру, он постоянно оставался на ней до самой своей смерти. Таким образом, рассказ об этом новом периоде жизни Мефодия должен быть последним сказанием в нашей повести о святых Славянских Апостолах.

В этот последний период жизни Мефодия, о котором мы хотим говорить, имела бы для нас величайший интерес его деятельность. Первый славянский митрополит, он устроил первую славянскую Церковь; так как деятельность ему суждена была довольно продолжительная, то нет сомнения, что и труд, которому она была посвящена, не был только

начат, а более или менее был доведен до своего конца. Таким образом, в высочайшей степени желательно было бы нам знать со всею возможною подробностью, какие именно устройства имела первая славянская Церковь, в высочайшей степени желательно было бы со всею ясностью и живостью созерцать перед собой полный образ этой первой славянской Церкви. Но, к несчастью, автор Мефодиева Жития, подобно всем древним писателям житий и летописных сказаний, понимал свою задачу так, что составляющее самое главное для нас он обходит почти совершенным молчанием: предмет его повествования составляют одни только особенные, в том или другом отношении замечательные случаи из жизни Мефодия, а что касается до деятельности, по его отношению к ней он ограничивается одной краткой и общей похвалой.

Те немногие слова Жития, в которых находим известие вообще об архиепископской деятельности Мефодия, суть следующие: «Князь Святополк встретил Мефодия (прибывшего к нему от Коцела в сане архиепископа) со всеми моравянами и поручил ему все церкви и священников во всех городах, и от того же дня вельми начало расти Божие учение, и священники (начали) умножаться во всех городах, и язычники веровать в истинного Бога, оставляя свое нечестие». Конечно, очень немногое узнаем мы из этих слов об архиепископской деятельности Мефодия, но по необходимости приходится довольствоваться этим немногим. «Священники, — говорит автор, — начали умножаться во всех городах, язычники веровать в истинного Бога»; дать стране достаточное количество священников и окончательно водворить в стране христианство — это действительно были два дела, которым прежде всего и более всего должен посвятить свои заботы Мефодий. Святополк, прогнавший от себя всех немецких священников, конечно, не имел ни малейшей охоты снова призывать их в страну с их латинским богослужением, а желал и требовал, чтобы во всей Моравии богослужение установлено было исключительно славянское и священники были исключительно природные моравы; нет сомнения, что виды и желания самого Мефодия были совершенно одинаковы с видами и желаниями князя, то есть что он также хотел, чтобы в его славянской епархии духовенство и богослужение были исключительно славянские. Но если это так, то очевидно, что забота дать стране нужное количество священников должна была составлять самую главную заботу Мефодия. Прибыв в Моравию, Мефодий уже нашел в ней славянских священников; это были Константиновы и его собственные ученики, поставленные в Риме при жизни Константина; но как бы ни было значительно число их само по себе, во всяком случае оно, конечно, было совершенно ничтожно по отношению к целой стране. По необходимости довольствуясь первое время этими готовыми священниками, Мефодий немедленно после своего прибытия в страну должен был сделать то же, что сделал по своем прибытии в нее Константин, то есть немедленно набрать учеников и заняться их приготовлением к священству. Константин во время своего пребывания в Моравии не имел в виду наготовить священников для целой страны, но Мефодию нужно было сделать именно это последнее, а поэтому он не мог ограничиваться, подобно Константину, приготовлением только одного набора учеников; чтобы достигнуть цифры, которая бы удовлетворила хотя самой крайней нужде, он должен был приготовить один после другого целый ряд таких

экстренных наборов. Таким образом, этому неотложному делу доставления стране священников Мефодий, по всей вероятности, посвящал главные свои заботы, по крайней мере, половину всего времени, проведенного на кафедре епископской. Довольно уже давно Моравия была страной христианскою, однако же язычество далеко еще не было изгнано из нее окончательным образом. Как было везде после крещения городов с их ближайшими окрестностями, язычество долго оставалось в Моравии по селам и деревням, и в то время, как страна получила своего собственного архиепископа, еще ожидала крещения если не большая, то по крайней мере, очень значительная часть ее сельского и деревенского населения. А таким образом, после заботы дать священников крещеной части страны другая главная забота Мефодия действительно должна состоять в том, чтобы крестить остальную часть страны, оставшуюся в язычестве. <...>

Обращаясь к тем немногим и отрывочным известиям о деятельности и судьбе Мефодия в сане архиепископа Моравского, которые находим в его Житии и в дошедших до нас официальных актах.

Автор Жития, приписывая Мефодию дар пророчества, в доказательство своих слов приводит три особенных случая. Первый случай. Один весьма сильный языческий князь, «седевший в Вислех», ругался и творил зло христианам; Мефодий послал сказать ему: «Добро бы тебе, сын мой, волей креститься на своей земле, потому что если не послушаешь, то все-таки будешь крещен, только неволей и в чужой стране, помянешь меня, когда это сбудется». «Это последнее и случилось», — прибавляет автор Жития, то есть князь действительно лишился престола и был неволей крещен. Другой случай. Раз Святополк вел борьбу с язычниками и не имел успеха; когда приблизился праздник святого апостола Петра, Мефодий послал к князю с такими речами: «Если обещается святой Петров день провести с воинами своими у меня, то верую в Бога, что немедленно предаст тебе врагов»; князь послушал архиепископа, и враги действительно были побеждены. Третий случай. Один весьма богатый моравлянин, саном княжеский советник, женился в слишком близком родстве, именно — на своей ятраве, или невестке (жене умершего брата); сколько Мефодий ни увещевал его расторгнуть противозаконный брак, но ничего не мог сделать: не слушая архиепископа, вельможа успокаивал себя речами тех латинских священников, которые рассчитывали на его серебро и которые ради этого ожидаемого серебра утверждали, что союз его правилен и законен; тогда Мефодий сказал упорному послушнику: «Придет время, когда не в состоянии будешь помочь тебе эти ласкатели; будете помнить мои слова, только будет уже поздно». Угроза Мефодия скоро исполнилась. «Внезапно, по Божию отступлению, — говорит автор Жития, — постигла их напасть, и не обрелось места их, но исчезли они, как вихрь рассеивает прах».

Все сейчас рассказанное нами, как замечали мы выше, автор Жития сообщает единственно по тому поводу, что желает представить читателю несколько примеров Мефодиева прорицания. К нашему счастью, автор выбрал такие примеры, из которых мы узнаем гораздо более того, что имел он в виду сообщить нам. Кто такой был князь, «седевший в Вислех»? Вислянами и Висляндией древние западные писатели называли народ и страну р. Вислы⁷³, то есть поляков и Польшу; и то же, нет сомнения, понимает и наш автор, долго живший на западе. Но

Польша в то время состояла еще из нескольких отдельных княжений; какое же именно из этих княжений понимает автор Жития? Мефодий мог находиться в сношениях с тем из князей польских, которого владения были пограничные с Моравией; ближайшим к Моравии княжеством польским было княжество Краковское, и нет сомнения, что это именно княжество и понимает автор Жития. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что Висляндией у западных писателей вообще называется вся Польша верхней Вислы, где находилось княжество Краковское⁷⁴. Кем пленен и кем крещен был князь Краковский? Шафарик, основываясь на некоторых данных, высказывает твердую уверенность, что Малая, то есть Краковская, Польша принадлежала к числу областей, которые признавали над собой власть могущественного государя моравов Святополка⁷⁵; мы со своей стороны находим уверенность Шафарика вполне основательною, и поэтому мы думаем, что князь Краковский был пленен Святославом Моравским и что он крещен был не кем иным, как самим Мефодием. Итак, автор Жития в своей повести о князе, сидевшем «в Вислех», неумышленно сообщает нам некоторые сведения относительно апостольской деятельности Мефодия. Другой из приведенных рассказов Жития, именно — рассказ о княжеском советнике, женившемся на своей близкой родственнице, должен вызвать в нашем уме ряд новых и иного рода представлений относительно деятельности Мефодия в сане Моравского архиепископа; рассказ должен напомнить нам, что пастырская деятельность Мефодия, по крайней мере наполовину, была тяжелой борьбой. Моравы были крещены, но христианство их, как замечали мы выше со слов современных свидетелей, было еще *rudis christianitas*, и в большинстве своем они сохранили еще языческие нравы. Величайшей благодарности исполнены были моравы к своему архиепископу, водворившему в стране их родное, славянское богослужение, и вообще искренне и глубоко чтили его и были привязаны к нему, но тем не менее, конечно, очень неохотно внимали его внушениям и убеждениям, когда дело касалось перемены нравов. Пример княжеского советника, конечно, вовсе не единственный пример, и только один из бесчисленного множества других подобных примеров: но пример этот показывает, что иногда приходилось бороться с упорством слишком решительным. Между языческими обычаями моравов, точно так же, как и всех славян, в особенности противны христианству были некоторые обычаи брачные; это именно: 1) заключение брачных союзов в слишком близких степенях родства и 2) слишком частое и по самым маловажным причинам допускавшееся расторжение брака.

Теперь мы должны перейти со своей речью к злой судьбе наших Апостолов — латинскому духовенству. Епископы немецкие, будучи заставлены папою освободить Мефодия из заточения, грозили ему, что не оставят его в покое, и они сдержали свое слово. От Коцела, полного вассала немецкого короля, Мефодий скоро переведен был к Святополку, совершенно от короля независимому; но это нисколько не заставило немецких епископов отступить от мысли прогнать из своих пределов ненавистного учредителя славянского богослужения и ненавистного основателя самостоятельной, независимой от них, немцев, славянской Церкви. Оставяся Мефодий у Коцела, они поступили бы с ним очень просто: дали бы несколько уйти гневу папы на их своеволие и затем

опять заслали бы Мефодия или в Швабию, или куда-нибудь не ближе; теперь им не так-то легко было добыть его, но на то они и были немецкими епископами, чтобы не прийти в уныние перед некоторыми затруднениями. Были два средства согнать Мефодия с его кафедры: это вооружить против него или самого Святополка, или папу. Но первого средства нечего было и пытаться; если бы даже какими-нибудь происками и удалось возбудить в князе личную вражду к его архиепископу, то во всяком случае он никогда не решился бы прогнать его от себя из расчетов политических; прогнав Мефодия, он должен был бы снова принять в страну немецких священников и подчинить ее власти немецкого митрополита, а епископы немецкие очень хорошо должны были знать, что сам по себе, не будучи заставлен насильно, он никогда и ни под каким видом этого не пожелает. Таким образом, оставалось делать епископам собственно одно — вооружить против Мефодия папу, чтобы он прогнал его из Моравии и вообще из всех подвластных ему славянских земель. Так они и решили поступить. Неизвестно, отчего довольно долго медлили епископы со своими обвинениями на Мефодия перед папой; может быть, они ожидали перемены в отношениях папы к их королю, которые были не совсем удовлетворительны. <...>

Нечего было и пытаться привлечь на свою сторону самого Святополка, но была надежда восстановить против Мефодия некоторую часть Святополковых подданных; с помощью одних этих союзников, конечно, еще нельзя было изгнать Мефодия из Моравии, но во всяком случае очень важно было иметь враждебную Мефодию партию в среде собственной его паствы, и епископы немецкие усердно принялись за дело. Выше по поводу рассказа Жития о княжеском советнике, женившемся на своей слишком близкой родственнице, мы замечали, что в Моравии еще довольно крепки были старые до- и противохристианские обычаи и что по этому поводу деятельность Мефодия часто должна была принимать вид борьбы. Этим-то обстоятельством и поспешили воспользоваться немецкие епископы. Мефодий преследовал всё противное христианству языческое с неутомимой и самой непреклонной ревностью; но ничего нет удивительного, если в целой многочисленной пастве не все внимали голосу епископа с покорной готовностью, если находилось большее или меньшее число отдельных лиц, которые встречали его увещания с решительным и враждебным упорством. Епископы немецкие через своих агентов спешили сделаться друзьями всех таких врагов Мефодия. <...> Всех, кто в своем поведении не хотел покоряться требованиям Мефодия, епископы немецкие спешили брать под свое покровительство, дозволяя и разрешая то, что первым было преследуемо. Этим-то путем епископы немецкие успели создать себе в Моравии враждебную Мефодию партию. По своей сравнительной численности партия была, разумеется, совершенно ничтожна; но так как всегда нерасположены допускать стеснения своим наклонностям, главным образом, люди богатые и знатные и, следовательно, непреклонные и строгие требования Мефодия должны были создать ему врагов, главным образом, между людьми именно этого класса, между разными великокняжескими советниками, каков упоминаемый в Житии и т. д., то, несмотря на свою малочисленность, партия была довольно сильна. Но на что была нужна немецким епископам эта внутренняя, враждебная Мефодию партия, когда они рассчитывали прогнать Мефодия из

Моравии не через самого Моравского князя, а через посредство папы? Не мешало иметь партию на всякий случай, но положительно она была им нужна, во-первых, вот на что. Святополк до последней степени должен был дорожить тем обстоятельством, что страна его в церковном отношении столько же независима от немцев, как и в государственном; поэтому очень могло случиться, что по донесениям немецких епископов папа приказал бы Святополку изгнать Мефодия из Моравии, чего князь не захотел бы слушаться даже и папы; вот тогда бы потребовались немцам услуги на вербованных ими в самой Моравии их сторонников: питавшие вражду к Мефодию разные великокняжеские советники должны были бы тогда настоятельно внушить государю, что он должен исполнить волю папы, что возвращение Моравии под церковную власть немцев не несет вреда ее политической самостоятельности и т. д. Что, во-вторых, хотели устроить немцы при посредстве преданной им в Моравии партии, это увидим дальше.

Сумев приобрести для своей интриги против Мефодия довольно твердую точку опоры на самом месте его деятельности, епископы немецкие, конечно, не хотели думать, чтобы могла постигнуть ее неудача в Риме, где был на их стороне такой перевес шансов, и поэтому, нет сомнения, решили начать свой поход против Мефодия с полной уверенностью, что концом его будет их совершенная победа, то есть изгнание из Моравии и пределов Римской Церкви ненавистного им грека. Как бы то ни было, но в конце 878 или в начале 879 года, то есть на четвертый или на пятый год существования отдельной Моравской митрополии, епископы немецкие послали к папе донос на Мефодия. До нас не дошло самой грамоты, отправленной епископами к папе, но в чем они обвиняли Мефодия, это отчасти узнаем мы из других, относящихся сюда и уцелевших до нас документов, отчасти можем сообразить сами собой. Документы, в которых читаем о взведенных на Мефодия обвинениях, суть две грамоты папы: одна к князю Моравскому Святополку, другая к его архиепископу, писанные вследствие полученного папою доноса⁷⁶. Немедленно требуя Мефодия к ответу, папа выставляет в своих грамотах и сами обвинения, которые на него возводятся. Обвинений этих папа указывает два, именно: 1) что Мефодий, вопреки своему обещанию, данному при поставлении, «не тому учит в своей проповеди, чему научилась от самого князя апостолов и что ежедневно проповедует святая Римская Церковь»; 2) что он совершает богослужение на варварском, славянском языке. В посланиях своих папа не говорит прямо, в каком именно обвиняют его учении, противном римскому православию, но, как это ясно видно еще из другого послания папы к Святополку, писанного после окончания всего дела⁷⁷, он разумет то обвинение, что Мефодий несогласно с Римской Церковью читает Символ веры, то есть что он отвергает римский догмат *Filioque*. Мы сказали, что из сохранившихся до нас официальных бумаг мы узнаем о взведенных на Мефодия обвинениях не вполне, а отчасти, и мы действительно думаем, что в посланиях папы к Святополку и Мефодию передается содержание присланного ему доноса вовсе не с полной точностью, что, во-первых, были в нем еще другие обвинительные пункты, о которых не говорят послания, и что, во-вторых, и те обвинительные пункты, которые приводятся в послании, были поставлены не так просто, как они смотрятся в этих последних, а несколько хитрее. Епископы немецкие,

посылая в Рим свой донос на Мефодия, как само собой разумеется, имели в виду не привлечь на него только временный гнев папы и какое-нибудь временное наказание, а заставить папу совсем изгнать его из Моравии и из пределов своей церковной области. Но, желая достигнуть этого, они, естественно, должны были взвести все обвинения, какие только можно было с некоторым правдоподобием взвести, должны были позаботиться представить дело так, чтобы изгнание Мефодия из Моравии представлялось папе единственным и совершенно необходимым решением. Но какие же еще могли епископы взвести на Мефодия обвинения, кроме тех, о которых говорит папа в своих посланиях? Могло быть взведено обвинение необыкновенно важное. Мефодий был грек; так как всякий любит родину более всякой другой страны, то указанное обстоятельство, так сказать, само собой навязывало епископам немецким весьма тяжкое обвинение Мефодия перед папою, то есть епископы должны были обвинять Мефодия в том, что этот грек, на которого папа возлагает такие великие надежды, посредством которого папа мечтает собрать под свою власть славян, в действительности не имеет ни малейшей привязанности к его верховной власти, что все его помыслы, напротив, обращены к родному Константинополю и власти тамошнего патриарха. Так как обвинение навязывалось само собой, так как оно представлялось совершенно правдоподобным, то, повторяем, совершенно необходимо думать, что епископы немецкие, задачей которых было как можно сильнее обвинить ненавистного им пришельца, действительно возводили на Мефодия. Епископы не могли обвинять Мефодия в каких-нибудь уже открытых действиях, направленных к низвержению власти папы, потому что в этом случае они не в состоянии были бы ничего указать в подтверждение своих слов, но они могли уверять папу, что это подкапывание под его власть есть сокровенная и конечная цель всей вообще деятельности Мефодия. В действительности Мефодий ничего не замышлял против власти папы и вовсе не думал от нее отлагаться, потому что, как ясно он должен был видеть, это во всяком случае, вследствие политических отношений Моравии, было дело совершенно невозможное; но тем не менее он не хотел стать полным латинином: ни за что не хотел читать Символа с римским прибавлением «и от Сына» и хотел совершать богослужение не иначе, как на славянском языке. Когда прежде папа давал ему дозволение остаться при греческом чтении Символа и совершать богослужение на славянском языке, то в первом не видел ничего особенно подозрительного, а последнее входило в его собственные виды. Но с каким правдоподобием могло быть представлено папе, что он жестоко обманывается в хитром греке, что этими уступками, которые он сделал ему: одну как греку, другую потому, что считал нужною для себя самого, он (Мефодий) старается воспользоваться против Римской Церкви, то есть с каким правдоподобием могло быть представлено папе, что славянский язык, посредством которого он рассчитывает привязывать и привлекать к себе славян, в действительности служит для Мефодия к тому, чтобы отдалять их от Римской Церкви, чтобы греческое чтение Символа, которое он дозволил Мефодию, не желая насловать грека, в действительности служит для последнего к тому, чтобы вооружить славян против Римской Церкви, как Церкви еретической? Таким образом, представлялось вообще совершенно правдоподобным и вероятным следующее обвине-

ние: пришлый грек, на которого папа смотрел как на великую находку, думая видеть в нем отличное орудие для выполнения своих замыслов относительно славян, в действительности самым жестоким образом обманывает: тогда как папа рассчитывал посредством него утверждать и расширять свою власть над славянами, он, напротив, вероломным образом работает над тем, чтобы оттолкнуть славян от этой власти и вооружить их против нее. Но, повторяем, так как обвинение представлялось совершенно вероятным и правдоподобным, а немецкие епископы должны были взводить на Мефодия всё, что только можно было с вероятностью взвести, то необходимо думать, что оно и действительно было ими взведено.

Донос, сделанный епископами, как и естественно, привел папу в величайшее беспокойство. Ему доносили, что человек, которому он вверил власть над славянами в надежде, что он укрепит власть над ними верховного римского сиделища, старается, напротив, о том, чтобы совершенно подорвать эту последнюю власть: конечно, ему было отчего прийти в беспокойство. Известия, полученные папою другим путем, не могли уменьшить этого беспокойства. В то время, как прислан был донос немецких епископов, в Риме находился посол Моравского князя; папа обратился к нему с расспросами и узнал от него⁷⁸, что князь колеблется в правой вере, то есть что он читает Символ одинаково со своим архиепископом, без прибавления латинского *Filioque*. Ничего не было естественнее со стороны папы, как на основании этого согласия князя с архиепископом заподозрить его и в согласии во всем другом, то есть приписать ему участие и в тех враждебных апостольскому сиделищу замыслах, в которых обвиняем был Мефодий. Папа немедленно отправил в Моравию два послания; одно к князю, другое к архиепископу. Извещая Святополка, что «объемлет его искреннюю любовь, как возлюбленного сына» и убежденного «так веровать, как святая Римская Церковь научилась от самого князя апостолов», папа немедленно требует к себе в Рим Мефодия; он пишет ему в своем к нему послании: «Услышали мы, что ты в своей проповеди не тому учишь, чему научилась от самого князя апостолов и что ежедневно проповедует святая Римская Церковь, что ты и самый народ совращаешь в заблуждение; посему настоящею апостольства нашего грамотою повелеваем тебе: отложив всякие дела, постарайся явиться к нам как можно скорее, дабы из уст твоих могли мы услышать и узнать истинное твое учение, так ли ты содержишь и так ли проповедуешь, как веровать словесно и письменно обещался ты святой Римской Церкви. Еще слышим, что ты поешь миссы (обедни) на варварском, то есть славянском, языке. Но еще грамотой нашей, отправленной к тебе с Павлом, епископом Анконитанским, повелевали тебе, чтобы не совершал священные торжества мисс на оном языке, но или на латинском, или на греческом, как поет Церковь Божия всей вселенной».

Исполняя требование папы, Мефодий немедленно отправился в Рим. Но прежде, чем говорить о результатах его путешествия, мы снова должны возвратиться к интриге немецких епископов. Отправляя свой донос на Мефодия, епископы имели в виду прогнать его из Моравии и возвратить страну под свою власть. Но тут дело было не в одном Мефодии; не дальше, как лет пять-шесть назад, Святополк изгнал из своей земли всех немецких священников, между прочим, за то, что они ковали

ковы против своих пасомых в пользу своих родичей, и рассчитывать, что он забудь прежнее и дозволит воротиться к себе этим священникам, не было ни малейшего основания; напротив, епископы очень хорошо должны были знать, что, и согласившись исполнить требование папы удалить от себя Мефодия, Святополк все-таки ни за что не согласится принять священников немецких, а потребует себе духовенства итальянского. Таким образом, епископы немецкие со своей интригой против Мефодия или просто работали бы на других, или просто должны были усложнить ее какой-нибудь хитрой комбинацией. Такая комбинация была придумана; дело состояло в следующем: имел быть выбран ловкий немец, который, явившись ко двору Святополка, выдал бы себя за человека, отрекшегося от своей родины и всеми силами души преданного интересам Моравии, и который бы успел вкрасься в расположение государя; за этим с помощью сильной при дворе моравском немецкой партии он имел достигнуть того, чтобы Святополк избрал его в преемники Мефодию; когда удалось бы это, то Моравия очутилась бы в руках немецких епископов. Выдумав план, приступили к его осуществлению. В орудие интриги выбран был некто Вихинг, величайший интриган, отвергнутый впоследствии даже и самими немцами. Явившись ко двору Святополка, Вихинг скоро успел в первой половине своего дела, то есть в том, чтобы выдать себя перед государем за искреннего и усердного моравофила и вкрасься в его расположение и будущей жертвы интриг, то есть самого Мефодия... Если бы епископы рассудили далее повести дело обыкновенным порядком, то предстоящая процедура была такая: послать папе донос на Мефодия; дожидаться, пока папа низложит обвиненного (в чем епископы были уверены), и уже только после этого хлопотать о замещении кафедры Моравской Вихингом, то есть хлопотать через посредство своих моравских друзей, чтобы выбор Святополка пал на этого мнимопреданного ему человека. Но епископы рассудили поступить иначе, именно: решено было, что Вихинг не будет дожидаться, когда низложен будет Мефодий, а отправится в Рим вместе с ним самим, когда он пойдет туда для выслушания своего приговора. Епископы надумали так поступить, нет сомнения, имея в виду разные случайности, которые неожиданно могли погубить для них весь их труд, то есть, например, имея в виду ту случайность, что прежде чем успеет Вихинг после низложения Мефодия явиться в Рим, Моравия будет отдана кому-нибудь из итальянских епископов. Как бы то ни было, но отправиться в Рим вместе с Мефодием Вихинг никоим образом не мог прямо в качестве его будущего преемника. Святополк до такой степени дорожил своим знаменитым архиепископом и до такой степени был к нему привязан, что, отпуская Мефодия в Рим, разумеется, вовсе не хотел и думать, чтобы дело могло кончиться там его низложением, а поэтому, если бы представители немецкой партии явились к Святополку с уверениями, что Мефодий будет низложен, и с советами избрать и отправить к папе кандидата на его место, то они были бы прогнаны князем и совершенно испортили бы все свое дело. Таким образом, епископы немецкие, хотевшие, чтобы Вихинг отправился в Рим вместе с Мефодием, должны были придумать средство, каким образом Вихинг, отправившись в Рим от Святополка не в качестве будущего преемника Мефодию, в то же время мог доказать в Риме, будто Святополк желал иметь его преемником Мефодия. Средство было придумано.

мано: именно Святополку внушена была мысль просить у папы в помощь Мефодию другого епископа, с тем чтобы в кандидаты на эту кафедру избран был Вихинг. Имея в руках просьбу государя о своем поставлении в епископы-суффраганы, Вихинг легко доказал бы епископу, что он будет угодным Святополку преемником Мефодия. То есть дело, по расчетам епископов, должно было идти таким образом: Вихинг отправится в Рим вместе с Мефодием под предлогом поставления в епископы-суффраганы; но в Риме Мефодий будет низложен; тогда Вихинг просьбою Святополка о своем поставлении в епископы-суффраганы легко докажет папе, что он (Вихинг) будет угодным Святополку преемником Мефодия и действительно будет поставлен папою в епископы Моравские.

Итак, епископы немецкие, проводившие Мефодия в Рим, с уверенностью ожидали, что ненавистный грек, быв низложен папою, более уже не возвратится в Моравию, что страна, получив себе епископа в лице Вихинга, опять возвратится к своим старым господам, то есть к ним, немецким епископам, что вообще всё снова будет по-старому. Но чем же кончилось дело? Увы, оно кончилось совершенно противно ожиданиям и желаниям немецких епископов: Мефодий успел оправдаться перед папой, приобрел от него величайшее благоволение и возвратился от него на свою кафедру с новым торжественным подтверждением, что «в руку его суть от Бога и от апостольского стола вся словенская страна». Обращаясь к этому оправданию Мефодия. Каким образом в борьбе, по-видимому, весьма неравной, успел он одержать самую решительную победу? В действительности это было для него не слишком трудно. Читатель, конечно, не забыл, что говорено было нами выше, во-первых, о значении, какое имела для папы Моравская архиепископия, во-вторых, о значении, какое имел для него сам Мефодий. Именно, относительно Моравской епископии мы говорили выше, что отнять славянскую страну у немецкого митрополита и образовать из нее отдельный церковный округ требовали собственно интересы папы, что в этом было для него средство достигнуть по отношению к одному из митрополитов того, что Римские первосвященники тогда усердно добивались относительно всех митрополитов, именно—ослабить его силу и значение. Относительно самого Мефодия мы говорили выше, что папа видел в нем до чрезвычайности нужного себе человека, что он рассчитывал посредством его распространять и утверждать свою власть между народами славянскими. Таким образом, для папы имели весьма важное значение как Моравская архиепископия, так и сам Мефодий, и он мог решиться на уничтожение первой и на удаление второго не иначе, как будучи вынужден к этому действительно и совершенно ясною необходимостью. Но если это так, то очевидно, что папа Иоанн VIII вовсе не мог иметь желания низложить Мефодия потому только, что он ненавистен был немецким епископам, что он захотел бы на что-нибудь решиться не иначе, как только после самого тщательного исследования дела.

Итак, судья не был наперед предубежден против Мефодия, а напротив, непременно хотел выслушать его оправдания. Но это только и нужно было последнему, чтобы блистательным образом выиграть процесс. Самое главное, в чем обвиняем был Мефодий, это то, что во всей своей деятельности он коварным образом преследует тайный замысел

довести Моравию до желания отложиться от власти папы и перейти во власть патриарха Константинопольского. Но это была совершенная клевета, и Мефодию, конечно, нетрудно было уверить папу, что обещание верности, данное при возведении в сан архиепископа, он хранит искренне, а не притворно. Может показаться странным и для иных, пожалуй, предосудительным, что Мефодий не питал в себе желания и не употреблял никаких стараний привести Моравию под власть Константинопольского патриарха, но это совершеннейшая правда, и в действительности нет в этом ничего странного: 1) папа в то время был столько же православен, как и патриарх Константинопольский, и следовательно, тут вовсе не было вопроса о том, чтобы, расторгнув союз Моравии с Церковью схизматической, привести ее в общение с Церковью православной; 2) не говоря о том, что для Мефодия мог еще оставаться нерешенным вопрос, лучше ли быть для Моравии под властью патриарха Константинопольского, во всяком случае он должен был ясно видеть, что исторгнуть ее из-под власти папы есть дело совершенно невозможное и что пытаться делать это значит не более, как наклепать на страну величайшее бедствие: мы разумеем то, что, отдав Моравию во власть греков, папа энергически бы отстаивал свои права посредством оружия немецко-франкского и ни за что не успокоился бы до тех пор, пока бы в действительности не успел возвратить их...

Как мы говорили выше, вместе с Мефодием был обвиняем в сочувствии и содействии его замыслам и сам Святополк. Поэтому князь для принесения своих оправданий отправил с Мефодием в Рим одного из своих приближенных бояр, некоего Семишишна. Опровергнув клевету, Семишишн изложил перед папой виды Святополковой политики: от союза с императором Константинопольским государь Моравский не мог ожидать себе никакой пользы; искренний союз с королем немецким никогда не был для него возможен; оставался один он, папа, и Семишишн уверял, что Святополк видит в нем своего единственного искреннего союзника и могущественного покровителя. В другое время и при других обстоятельствах не все эти заверения были бы выслушаны папой с одинаковым удовольствием: если всегда было приятно папам слышать, что государь Моравский не имеет ничего ждать от императора Константинопольского, то не всегда могло быть для них приятным событием, что у государя Моравского не может быть искреннего союза с королем немецким. Но моравы знали, с кем они откровенничают о своей непримиримой ненависти к немцам. Папа Иоанн VIII во все время своего правления находился во вражде с немецкими каролингами; таким образом, что не совсем приятно могло подействовать на другого папу, что должно было произвести самое благоприятное впечатление на Иоанна VIII — сама по себе была преданность моравов папскому престолу, но вражда их к немецкому королю делала их, сверх того, еще верными союзниками папы в его собственных делах, устанавливала между ним и моравами еще особую тесную связь. Какой блистательный успех имели искусные речи Святополкова посланника, это мы видим из грамоты папы к Моравскому государю, отправленной к нему после того, как были выслушаны в Риме Мефодий и Семишишн: за то, что Святополк презрел других князей века сего и признает своим покровителем единственно наместника Петрова, папа выражает ему свое величайшее благоволение, называет его своим как бы единственным сыном⁷⁹.

Итак, Мефодий успел вполне опровергнуть перед папой взведенную на него клевету, будто он питает замысел отторгнуть Моравию от власти Римского престола. После этого уже само собой все дело должно было кончиться самым благополучным для него образом, потому что остальные обвинения получали свой смысл только от этого первого обвинения; коль скоро устранялось это обвинение, то и все они, переставая быть в глазах папы обвинениями, обращались в простые заявления безвинных фактов. Остальные обвинения были: 1) что Мефодий читает Символ веры без прибавления *Filioque*, 2) что он совершает богослужение на славянском языке. Мефодий действительно читал Символ веры без прибавления *Filioque*, называя это последнее ересью, и может показаться очень странным, что подобное разномыслие с Римской Церковью могло иметь в глазах папы значение простого безвинного факта. Но в действительности это не заключает в себе ничего особенно странного. Учение об исхождении Святого Духа и от Сына явилось в Западной Церкви не в середине IX века, а весьма давно; греки давно укоряли латинян за их новый догмат и видели в нем ересь; латиняне давно защищали его от нападок греков, но до окончательного разделения Церквей и греки считали латинян православными, несмотря на их нововведение, и латиняне считали греков православными, несмотря на то, что последние самым решительным образом отвергали их *Filioque*. Из этого следует, что Мефодий очень мог оставаться в глазах папы православным и несмотря на то, что не принимал латинского прибавления к Символу. Но что же, спрашивается, значил донос на Мефодия, что он учит несогласно с Римскою Церковью, что значило сильное беспокойство, в которое приведен был папа этим доносом? Епископы немецкие обвиняли Мефодия в замысле отторгнуть Моравию от власти папы; при этом-то обвинении и мог быть придан в глазах папы особенный, весьма важный смысл тому обстоятельству, что Мефодий отвергал римское *Filioque*. Мефодий желал отторгнуть Моравию от власти папы; само собой предполагалось за этим, что Мефодий искал средства и старался вооружить моравов против папы; само собой напрашивалось в голове немецких епископов представить дело таким образом, что, отвергая римский догмат, Мефодий старался вместе с этим и вообще привести у моравов в подозрение православие папы; что не только называет ересью новый догмат, но вообще называет еретическою Церковь Римскую. Тогда еще не было разделения Церквей, но уже случились в те времена такие события, которые делали вероятным донос, что грек не только отвергает римский догмат, но и вообще называет Церковь Римскую еретическою: патриарх Фотий в продолжение своей борьбы с папою Николаем действительно уже неоднократно провозглашал это последнее. Итак, в доносе немецких епископов, что Мефодий отвергает *Filioque*, сущность обвинения доказывалась тем, что он вообще отвергает православие папы и Римской Церкви. Но Мефодий, отвергая *Filioque*, вовсе не отвергал вместе с этим православие папы, а таким образом, обвинения эти после того, как Мефодий доказал папе и свою, и Моравского государя со всем моравским народом искреннюю верность, падали сами собой. В грамоте папы Святополку, о которой упоминали мы немного выше, читается известие о том, как оправдывался Мефодий относительно обвинения, что не принимает римского чтения Символа, и это документальное свидетельство, по-видимому, совершенно противо-

речит нашим словам, именно — папа в своей грамоте пишет следующее: «Мы вопрошали сего Мефодия, почтенного архиепископа вашего, пред лицом наших братьев епископов: так ли он верует Символу православной веры и поет его на литургии, как утверждено на шести святых Вселенских Соборах и предано святыми отцами по евангельским словам Христа, Бога нашего? Он же объявил, что исповедует и поет по евангельскому и апостольскому учению, как научает святая Римская Церковь, и по преданию святых отец. Мы же, нашед его во всех церковных учениях и пользах православным исповедником, посылаем паки ко управлению вверенныя ему Церкви Божия» и проч.⁸⁰ Римская Церковь читала Символ с прибавлением *Filioque*, а следовательно, и слова: «он же объявил, что исповедует и поет... как научает святая Римская Церковь» как будто содержат ясное свидетельство, что Мефодий принимал прибавление *Filioque*. Но слов этих не должно принимать в их прямом и точном смысле. Положительно и совершенно несомненно известно, что Мефодий не принимал римского догмата *Filioque*, что он отвергал его как всегда прежде, так и постоянно после того своего путешествия в Рим, о котором идет у нас теперь речь. Таким образом, если бы принимать указанные слова папы в их точном смысле, то надлежало бы думать, что Мефодий обманул папу, что он солгал ему, будто принимает *Filioque*; но 1) считать Мефодия способным на какого бы то ни было рода бесчестный обман было бы величайшим оскорблением для его памяти, 2) что касается до обмана с предметом веры, то, неспособный шутить с их святостью, Мефодий скорее бы отказался от своего дела в Моравии, чем покупать успех ему таким средством. Так, повторяем, вовсе не должно видеть в словах папы точного известия о том, что происходило в действительности; если бы папа хотел быть точным, то он должен бы был написать в своей грамоте только следующее: Мефодий, будучи спрошен, признает ли он православным папу и Римскую Церковь, отвечал, что признает, и поэтому нашли его во всех церковных учениях и пользах православным исповедником и проч.

Грамота была послана Святополку не с самим Мефодием и писана была уже после того, как он уехал из Рима, а поэтому он и не мог препятствовать явиться в ней приведенным словам, заставляющим думать, будто он принимал римское *Filioque*. Что касается до папы, то понятно с его стороны такое искажение дела: он мог дозволить и действительно дозволил Мефодию чтение Символа без прибавления *Filioque*, но желаннее и гораздо более приятнее для него, если бы Мефодий читал с прибавлением, и вот это желание он и хотел, так сказать, навязать Мефодию, превращая его в действительный факт. После всего, что доселе сказано нами о *Filioque*, у нас остается еще нерешенным один довольно трудный вопрос.

Мы сказали, что до разделения Церквей как греки признавали латинян православными, несмотря на то, что они читали Символ с прибавлением, так и латиняне считали греков православными, несмотря на то, что они не хотели принимать их прибавления, и что поэтому и Мефодий очень мог оставаться в глазах папы православным, хотя и читал Символ согласно со своей Греческой, а не Латинской Церковью. Но из этого следует не всё, что нам нужно; папа признавал православие Греческой Церкви вообще и каждого грека в отдельности, несмотря на то, что греками было отвергаемо прибавление *Filioque*, но, как само

собой разумеется, совершенно естественно было ему желать и требовать, чтобы в пределах Римской Церкви Символ веры был читаем так, как он был читаем в самом Риме; а между тем, Мефодий, будучи греком по рождению, был архиепископом области, подведомой Римской Церкви; так спрашивается: каким образом папа решил дозволить, чтобы в стране, принадлежавшей Римской Церкви, Символ читаем был согласно не с Римскою, а с Греческою Церковью? На этот вопрос положительно мы можем ответить только то, что папа дозволил, а как, то есть посредством каких доводов и представлений Мефодий успел получить от него это дозволение, к прискорбню, мы ничего не знаем. <...>

Другое обвинение, которое ввели на Мефодия немецкие епископы, состояло в том, что он совершает богослужение не на латинском, а на славянском языке. Епископы доносили совершенно справедливо, то есть Мефодий действительно совершал богослужение на славянском языке; но тут не было со стороны Мефодия ничего злоумышленного и никакой вины против папы, а только злоумышленное толкование дела со стороны епископов, а поэтому и не могло ничего стоить со стороны Мефодия получить от папы торжественное разрешение употреблять славянский язык. В своей позовной грамоте папа пишет Мефодию: «Еще слышим, что поешь миссы на варварском, то есть на славянском языке; но еще грамотой нашей, отправленной тебе через Павла, епископа Анконитанского, мы запретили тебе совершать на оном языке священные действия мисс»⁸¹ и проч. Но, как уже говорили мы выше, слов этих вовсе не должно понимать в буквальном смысле, то есть на основании этих слов вовсе не следует думать, будто папа при освобождении Мефодия из ссылки действительно запретил ему славянское богослужение. Если бы сделано было запрещение, то имело бы последовать за ним не то, что видим, а совсем другое, и папа не имел бы теперь нужды укорять Мефодия в нарушении его приказа. Единственное и необходимое решение, которое мог принять Мефодий, получив от папы запрещение употреблять славянский язык, это покориться несчастной необходимости, то есть не сопротивляться воле папы. Получив строгое приказание не употреблять славянского языка, Мефодий естественно должен был бы ожидать, что тотчас же будет оставлена всякая попытка сопротивления; а так как он не имел возможности противиться папе, то зачем же бы стал делать подобную, совершенно напрасную и просто неразумную попытку? Но, увидев себя в необходимости отказаться от славянского богослужения, Мефодий вместе с этим увидел бы себя еще в другой необходимости. Его призвание было водворять в славянских землях славянское богослужение; но так как в Паннонии (на кафедре которой он возвращен был по настоянию папы из швабского плена) он не мог этого делать, то зачем бы он решился в ней оставаться? Таким образом, если бы папа при возвращении Мефодия из швабского плена на кафедру Паннонскую действительно запретил ему (через Павла Анконитанского) совершать богослужение на славянском языке, то мы не только бы не читали последующих укорительных и неукорительных посланий папы к Мефодию, но должны были говорить или о подвигах Мефодия в его малоазийском уединении, или о его деятельности в землях славянских, но только никак не в тех, которые находились в церковной зависимости от папы. Далее, предположим невозможное, именно: предположим, что Мефодий не нашел бы безрассудным и на-

прасным сопротивляться приказаниям папы. Но от времени посольства в Паннонию и Германию Павла, епископа Анконитанского, через которого будто бы запрещено было Мефодию употреблять славянский язык, до послания папы к Мефодию, в котором он укоряет последнего в нарушении будто бы своего приказания, прошло или около четырех, или никак не менее трех лет. Так как в грамоте, как ясно из нее видно, папа укоряет Мефодия за нарушение своей воли в первый раз, то спрашивается: возможное ли дело, чтобы в продолжение по крайней мере целых трех лет папа не знал о том, что делается в Моравии? Если предположить, что каким-нибудь непостижимым образом папа сам по себе даже и в продолжение трех лет мог не узнать, что в Моравии, вопреки его приказанию, богослужение совершается не на латинском, а на славянском языке, то оставались немецкие епископы, которые с самым напряженным вниманием следили за каждым шагом Мефодия, чтобы на чем-нибудь поймать его; и будь Мефодию запрещено совершать богослужение на славянском языке, а он решился нарушить запрещение, епископы слали бы в Рим свой донос после первой же самовольно совершенной Мефодием славянской литургии. Так повторяем, что не может подлежать сомнению, что прежде не было запрещено Мефодию совершать богослужение на славянском языке. Но если это так, то спрашивается: с какой же стати папа утверждает в своем послании к Мефодию, что он давно запрещал ему славянское богослужение? <...>

Папа в то время, как возвращал Мефодия из заточения на его Паннонскую кафедру, вовсе не запретил ему совершать богослужения на славянском языке, потому что не видел тогда причины делать такого запрещения; но вот вдруг доносят ему (папе) немецкие епископы, что славянского богослужения для моравов Мефодий добивается не столько потому, что хотел дать богослужение для них понятное, сколько потому, что оно должно было служить его изменническим по отношению к папе замыслам, что славянский язык составляет в его руках одно из средств к отчуждению моравов от Римской Церкви. Так как папа поверил доносу, то вместе с этим, естественно, он нашел, что поступил опрометчиво, дозволив Мефодию то, что никак не должен был позволять. И вот по указанному выше обычаю начальников он обвиняет Мефодия в нарушении приказания, которого он не делал, но которое, как он видел теперь, должен был бы сделать. Итак, возвращаясь к нашей речи о славянском богослужении, повторяем: если Мефодий совершал в Моравии богослужение на славянском языке, то этим несколько не нарушал предписаний папы, потому что таких предписаний вовсе не существовало; если папа сильно встревожен был доносом немецких епископов о Мефодиевом славянском богослужении, то причиной тревоги было вовсе не самое богослужение, а тот смысл, который несправедливо и злонамеренно придавали ему немецкие епископы, именно: причиной тревоги было заверение епископов, будто славянское богослужение составляет для Мефодия одно из средств к осуществлению его преступного замысла отторгнуть Моравию от власти папы. Из сказанного следует, что Мефодию предстояло оправдываться перед папою не в том, как он смел, нарушив волю последнего, совершать богослужение на славянском языке, а в том, будто дорожит указанным языком и хочет совершать богослужение на нем, а не на общем в Римской Церкви латинском языке потому, что видит в нем одно из средств к

осуществлению своего сейчас указанного нами замысла. Нелегко было бы, конечно, оправдаться Мефодию в нарушении папских предписаний и притом относительно такого важного предмета, как богослужебный язык, если бы это нарушение действительно имело место; но что касается до того, чтобы убедить папу в совершенной несправедливости обвинения, которое на него действительно в данном случае взводили, то не только было это для него весьма легко, но даже вовсе не имел он нужды этого делать. Мы говорили выше, что Мефодий был обвиняем епископами вообще во враждебных папе замыслах и что он успел вполне опровергнуть такое обвинение; но если таким образом было опровергнуто общее обвинение, то само собой отпадало и всякое, относящееся к одному предмету с ним, обвинение частное, то есть после того, как успел Мефодий убедить папу в своей искренней и полной верности его престолу, последний не мог даже иметь веры к лжетолкованиям разных частных его действий. Не имея у себя в руках подлинных доносительных грамот немецких епископов, мы не знаем, как именно они поставляли свои обвинения: шло ли впереди общее обвинение в изменнических замыслах и частные факты были просто присоединены к нему с тою целью, чтобы сделать донос возможно полным (то есть было ли так, что епископы писали: 1) вообще известно нам, что Мефодий питает изменнические замыслы, 2) как на особенные частные случаи, в которых он выступает со своей враждой к Римской Церкви, имеем указать на то, что он отвергает Filioque, на то, что он не хочет совершать богослужение на латинском языке и употребляет язык славянский), или, наоборот, общее обвинение, не будучи ставимо как сам по себе известный факт, следовало только уже за обвинениями частными, то есть было только представляемо как необходимый вывод из этих последних (то есть было ли так, что епископы писали: Мефодий отвергает Filioque, не хочет принимать латинского языка — из этого ясно, что он питает вражду к Римской Церкви и т. д.). Если имел место не первый случай, как у нас представлено выше, а последний, то оправдание нисколько от этого не становилось для Мефодия труднее. Как мы сказали выше, обвинение в изменнических замыслах было совершенной клеветой, и если Мефодий отвергал латинское прибавление к Символу и хотел совершать богослужение не на латинском, а на славянском языке, то вовсе не потому, чтобы хотел возбуждать в Моравии неприязнь к Латинской Церкви, а по причинам совершенно другого рода. Таким образом, при этой новой постановке обвинения Мефодий имел нужду для своего оправдания: 1) изложить те истинные причины, по которым он не принимал Filioque и хотел совершать богослужение на славянском языке, а не на латинском, и за этим 2) точно так же, как и в первом случае, заверить папу, что совершенная клевета, будто он питает к его власти какие-нибудь преступные замыслы.

Итак, Мефодий вполне оправдался перед папою во всем, что взводили на него немецкие епископы, и, вопреки твердым надеждам и к величайшему посрамлению своих врагов, снова возвратился на свою Моравскую кафедру. Но если никак не ожидали епископы, что могли они остаться со своим доносом совершенно ни при чем, то, конечно, тем менее ожидали, что могли оказать им Мефодию важную услугу, а это случилось именно так. Папа Иоанн VIII до того времени или совсем не знал лично Мефодия, или если успел узнать его во время его

пробытия в Риме вместе с Константином и в его приезды в Рим от Коцела, когда сам был еще архидиаконом Римской Церкви (из которого возведен в папы), то узнал не настолько хорошо, чтобы составить себе о нем какое-нибудь определенное и твердое мнение. Но теперь епископы немецкие со своим доносом доставили папе этот случай хорошенько узнать Мефодия, и следствием близкого ознакомления было то, что папа возымел к Мефодию полное доверие и стал питать искреннее уважение. Не постарайся устроить всего этого немецкие епископы, папа постоянно бы находился относительно Мефодия в некотором сомнении, потому что этот последний во всяком случае был греческий пришелец, то есть был человеком, в котором очень естественно было подозревать враждебные папской власти симпатии; а Мефодий, со своей стороны, тоже совершенно естественным образом подозревая в папе такое к себе недоверие, постоянно чувствовал бы почву под собой нетвердую и не мог бы трудиться с той спокойной уверенностью в прочности своих трудов, которая так нужна для самого их успеха, и таким образом вообще была бы во взаимных отношениях папы и Мефодия весьма нежелательная неопределенность и смутность. Но теперь, благодаря немецким епископам, эти отношения папы к Мефодию получили ясный и определенный характер полной доверенности, и последний почувствовал под собою почву Моравии твердою.

С благословениями отпустив Мефодия обратно на его кафедру, папа написал о нем послание к Моравскому государю. Из этого-то послания, в котором папа излагает историю своих допросов Мефодию и сообщает о своих решениях, принятых вследствие допросов, узнаем мы о том совершенно неожиданном и весьма счастливом для Мефодия исходе дела, о котором мы сообщили читателю в предшествующих строках. Вот это важное послание папы.

«Возлюбленному сыну Свентопулхру, знаменитому графу. Да будет ведомо тебе, что собрат наш Мефодий, почтенный архиепископ святыя Моравския Церкви, вместе с верным твоим Семисисном, пришел ко прагу святых апостолов Петра и Павла и став перед наше первосвященническое лицо, ясно доказали нам искренность твоего благочестия и усердие всего твоего народа к апостольскому престолу и нашей отеческой к вам любви. Ибо, по вдохновению Божией благодати, презрев других князей сего века, со всеми твоими верными знаменитыми мужами и со всем народом твоея земли возлюбил ты любовию надежнейшею князя апостольского чина святого Петра и наместника его, избрал его себе во всем покровителем, помощником и защитником и, преклоняя выю свою даже до конца под защиту его самого и наместника его, желаешь благочестивою привязанностью пребыть при помощи Господней усерднейшим сыном. За каковую твою и народа твоего веру и приверженность, распростерши руки апостоличества нашего, объемлем тебя безмерною любовию, яко единородного сына, и приемлем со всеми подданными твоими в отеческое наше недро, яко овец Господних, нам вверенных, и желаем милосердно питать вас пищею жизни и всегдашними нашими молитвами постараемся ввести вас в двери милосердия всемогущего Господа, дабы возмог ты при заступлении святых апостолов и в сем веке низложить вся противная и после в небесной стране торжествовать со Христом, Богом нашим. Итак, мы вопрошали сего Мефодия, почтенного архиепископа вашего, пред лицом наших братий

епископов, так ли он верует Символу православныя веры и поет его на литургии, как исповедует святая Римская Церковь и как утверждено на шести Вселенских Соборах и предано святыми отцами по евангельским словам Христа, Бога нашего. Он же объявил, что исповедует и поет по евангельскому и апостольскому учению, как научает святая Римская Церковь и по преданию святых отцов. Мы же, нашед его во всех церковных учениях и пользах православным исповедником, посылаем паки ко управлению вверенныя ему Церкви Божия, повелевая принять его как истинного пастыря с достаточною почестью и радостным сердцем; ибо мы апостольскою нашею властью подтвердили ему преимущество архиепископа и постановили быть всегда твердым при помощи Божией, как установлены и утверждены пребывать властью наших предшественников права и преимуществу всех Церквей; притом так, чтобы он сам по каноническому преданию имел попечение о всех делах церковных, но располагал ими яко пред очами Божиими; ибо ему вверены люди Божии, и он даст ответ за души их»⁸².

После этого папа говорил в послании о поставлении в епископа Нитранского известного нам Вихинга; эту часть послания приведем ниже, когда скажем о самом поставлении Вихинга. В последней части грамоты папа излагает свои мысли и свое решение относительно славянского языка. <...> Он пишет: «Славянския писмена, изобретенные некогда философом Константином, которыми воспеваются должные хвалы Богу, по справедливости похваляем и повелеваем, чтобы на оном языке говорились проповеди и возвещались дела Христа, Бога нашего; ибо Священное Писание не тремя токмо, но всеми языками восхвалять Господа повелевает, глаголя: хвалите Господа вси языцы и восхвалите Его вси людие, и апостолы, исполнясь Святого Духа, глаголаху всеми языки величия Божия. Посему и небесная труба Павел гремит, вещая: всяк язык да исповествь, яко Господь наш Иисус Христос во славу Бога Отца, о чем и в первом Послании к Коринфянам довольно и ясно увещевает нас, да, глаголя языки, созиждем Церковь Божию. И ничто не препятствует здравой вере и учению петь литургию на оном же славянском языке или читать святое Евангелие или Божественные поучения Ветхого и Нового Завета, хорошо переведенные и истолкованные, или все другие церковные книги; ибо Кто создал три главных языка, т. е. еврейский, греческий и латинский, Тот же Самый сотворил и все прочие (языки) в славу и хвалу Свою».

С полною щедростью на слова, хотя, разумеется, и не с большим внутренним удовольствием, папа не забывает, однако же, сделать непритворной попытки и в пользу своего латинского языка. Желание привлечь и привязать к своей власти славян вынуждало пап на некоторое время дозволить употребление славянского языка; но если бы оказалось, что те или другие славяне не нуждались для указанной цели в этом средстве и сами теперь же добровольно захотели предпочесть латинский язык славянскому, то, разумеется, папы были бы этому чрезвычайно рады. Так как папа Иоанн, спеша заявить славянам, что хотя он дозволяет и разрешает употребление славянского языка, но еще более дозволяет и одобряет, если бы кто захотел предпочесть славянскому языку язык латинский, пишет в своем послании к Святополку вслед за тем, что сказал о славянском языке: «Но если и судиям твоим угоднее слушать литургию на латинском языке, то повелеваем совер-

шать ее на оном». Впрочем, так как папа выражается не неопределенно: «кому-нибудь», а определенно: «тебе и судьям твоим», то можно думать, что причина сейчас приведенного нами прибавления в письме папы о латинском языке была и не та, которую мы указали, а другая, именно: можно думать, что папе донесено было, что Святополк со своими судьями и вообще со своим двором и высшим классом моравского общества не так крепко держится за славянский язык, как простой народ, и что если сделать ему внушение в этом смысле, то он не преминет ему последовать. Сравнивая это донесение с речами Мефодия и собственного Святополкова посла, папа, разумеется, не мог дать ему большей веры, но так как, не будучи слишком правдоподобным, оно в то же время было слишком такое, какого папа действительно не желал, то он и не преминул на всякий случай сделать указанное прибавление в послании.

Что касается до лица, которым могло быть сделано подобное лживое донесение папе, то указать его нетрудно; лживым образом представлять папе, что он не имеет нужды слишком дорожить Мефодием, что славяне или, по крайней мере, государь Моравский с влиятельнейшей частью своих подданных вовсе не так привязаны к славянскому богослужению, как он думает, имел побуждение Вихинг, а следовательно, ему должно быть приписано и донесение. <...>

Известия приведенного нами послания папы дополняются для нас известиями Мефодиева Жития. В послании после изъявления чувств самой полной любви к князю и своего самого полного доверия и благоволения к Мефодию папа снова утверждает последнего в его звании архиепископа Моравского и снова самым торжественным образом разрешает морavam употребление славянского языка; но он ничего не говорит здесь также о том пункте особой важности, который, главным образом, имел интерес для него самого и в котором была главная причина того, что последовало от него столь милостивое решение и по тем пунктам, которые мы сейчас указали, то есть он ничего не говорит о том, что он решил на этот раз относительно всеславянского Мефодиева миссионерства. Совершенное молчание об этом папиной грамоты можно было бы понять так, что, обманувшись в ожиданиях и отложив надежды, папа, наконец, бросил мысль об этом миссионерстве, и оставалось бы удивляться, что, несмотря на свое разочарование в том, что было главной причиной его благоволения к Мефодию, тем не менее он вполне сохранил к нему это последнее. Но всякое подобное предположение и недоумение совершенно устраняет автор Жития; из его, хотя и кратко, но тем не менее ясного и положительного извещения оказывается, что покидать желания и надежды расширить пределы своей власти между языческими славянами посредством деятельности Мефодия папа вовсе не думал, а что, напротив, он точно так же, как и прежде, посылая Мефодия к морavam, вместе с этим подтверждал ему право и обязанность быть общим пастырем и всех славян; именно автор Жития передает, что, посылая Мефодия к морavam, папа между прочим наказывал последним о его полномочиях: «Брат наш Мефодий святой правоверен есть и апостольское деяние делает, и в руку его суть от Бога и от апостольского стола вся словенская страна, да его же прокленет проклят, а его же святит, той свят да будет»⁸³.

Нет сомнения, горячо возблагодарил Господа Мефодий, когда, столь

счастливо окончив свое путешествие к папе, снова увидел Моравию — дорогое поприще своих апостольских трудов. Но тут еще не был действительный конец его огорчениям. После того, как папа отверг все клеветы на него и самым решительным образом принял его сторону, по-видимому, уже не было никакой возможности выжить его из Моравии, и немецким епископам, по-видимому, ничего не оставалось более, как с теми или иными чувствами, но покориться неумолимо враждебной к ним судьбе. Но неистощим был в изобретательности и не знал границ дерзости и наглости агент епископов — Вихинг, и он придумал и предложил епископам средство удалить Мефодия из Моравии. <...>

Обращаясь к этой новой фазе интриги, введенной против Мефодия, мы должны начать с того, на чем выше остановились в своем повествовании о ее главном виновнике и исполнителе, то есть об этом знаменитом Вихинге. Выше мы сказали, что Вихинг отправился в Рим вместе с Мефодием. Давшиеся ему в обман Святополк и Мефодий: один отправил его в Рим, а другой взял с собою на тот конец, чтобы поставить его в епископы-суффраганы; но в действительности, то есть по планам тех, чьим он собственно был орудием, он отправился в Рим за другим, а именно: 1) за тем, чтобы получить собственное место Мефодия после того, как этот последний, — в чем были крепко уверены, — будет низложен папою, 2) за тем, чтобы, сколько окажется для него возможным, не выдавая самого себя, содействовать низложению Мефодия. Что же делал в Риме Вихинг и что последовало с ним после того, как папа нашел Мефодия ни в чем не виноватым? Открыто вести тяжбу в Риме с Мефодием Вихинг должен был предоставить другим агентам немецких епископов, а сам должен был действовать против него скрыто, таким образом, чтобы могла сохраниться тайна его участия в интригах епископов, потому что в противном случае, то есть после того, как Святополк увидел бы сыгранную с ним гнусную мистификацию, ему (Вихингу) угрожала бы опасность быть позорным образом прогнанным из Моравии. Но, вероятно, увлекло Вихинга за пределы благоразумия неодолимое желание получить кафедру Мефодия; как бы то ни было, но только Вихинг действовал весьма неосторожно, так что если Мефодию не вполне открыл глаза, то по крайней мере возбудил в нем сильные подозрения. Что касается до его судьбы, то он был поставлен в суффраганы Мефодию с именем и кафедрой епископа Нитранского. <...>

Когда в усилиях свергнуть Мефодия понесено было совершенное поражение, Вихингу оставалось одно из двух: или отказаться от места, на которое избрали его люди, введенные им в обман (то есть Святополк и Мефодий), но о котором не думал он сам, сбросить маску и открыто показать себя тем, чем он был в действительности, или продолжая обман, принять эту кафедру, которой он искал притворно, но которую судьба представила ему на самом деле. Вихинг решил на это последнее. Поражение, понесенное на суде папы, ему было неприятно более чем кому-нибудь, потому что в деле он заинтересован был всех ближе; но, интриган по натуре и по профессии, точно так же и в отчаянье он пришел менее, чем кто-нибудь: после одной неудачи могло быть предпринято десять новых попыток, и герой наш поспешил взять то, что оказалось пока возможным, так сказать, запастись саном епископа, чтобы во всякое время иметь возможность тотчас же заместить Мефодия — это было все-таки очень важно.

Мы сказали выше, что Вихинг действовал в Риме против Мефодия так неосторожно, что если не вполне открыл последнему глаза на себя, то возбудил в нем очень сильные подозрения. Но если это так, то спрашивается: как же Мефодий после того, как увидел или по крайней мере сильно заподозрил, что был вместе со Святополком жертвой самой бессовестной мистификации со стороны Вихинга, не воспрепятствовал его поставлению в епископы Нитранские? Ответ на вопрос может быть дан только более или менее вероятный. Прежде всего, разумеется, было делом совершенно возможным, чтобы папа поставил Вихинга в епископы, несмотря на самые настойчивые сопротивления Мефодия. Но мы думаем, что этот случай не имеет места. Во-первых, хотеть поставления Вихинга в епископы во что бы то ни стало папа не имел ровно никаких побуждений, а потому без нужды он не решился бы наносить и тяжкого оскорбления Мефодию. Во-вторых, дать архиепископу в епископы-помощники человека, решительно им не желаемого, и таким образом отравить ядом вражды его отношения с подданным, — мы думаем, что до подобного дела папа никогда не был бы допущен благоразумием. На основании всего сказанного мы думаем, что Вихинг был поставлен в епископы Нитранские не против воли Мефодия, а с его согласия. Первым движением Мефодия после того, как он заподозрил Вихинга, конечно, была мысль устранить предполагавшееся поставление интригана в епископы, но мы думаем, что затем он снова изъявил свое согласие принять Вихинга в свои помощники. Как же могло случиться это последнее? Неудача интриги против Мефодия, как мы говорили, не привела Вихинга в отчаянье: не став преемником Мефодия на этот раз, он надеялся добиться успеха от будущих попыток, а поэтому ему необходимо было поддерживать связь свою с Мефодием и получить место епископа Нитранского. Но мы думаем, что в подобных обстоятельствах Вихинг, во-первых, постарался привлечь на свою сторону голос папы, во-вторых, успокоить подозрения самого Мефодия. Нельзя думать, что между советниками папы не было людей, особенно доброжелательных к немецким епископам, а с ними и к представителю их замысла против Мефодия — Вихингу; если бы таких людей не было, то они, как и между всякими советниками, легко могли быть куплены. Действуя посредством этих своих доброжелателей, Вихинг мог, во-первых, лично расположить папу в свою пользу, во-вторых, и главное, заставить папу смотреть на свое поставление как на мудрую меру административную и таким образом непосредственно заинтересовать его в своем деле. Что касается до этого последнего обстоятельства, то, хотя объяснения, данные Мефодием, вполне возвратили ему доверие папы, но все-таки он был грек, и следовательно, некоторая осторожность по отношению к нему никак не могла показаться папе излишнею; а поэтому не могли не показаться папе неосновательными следующие представления, сделанные доброжелателями Вихинга и немцев: обвинения, взведенные на Мефодия немецкими епископами, оказались совершенно ложными; но Мефодий все-таки грек, а поэтому не мешает обеспечить себя по отношению к нему более или менее бдительным над ним надзором; самое лучшее, чем может быть достигнута эта последняя цель, это поставить в епископы-помощники ему Вихинга, потому что тайный соперник, конечно, будет самым усердным надсмотрщиком. Итак, мы думаем, что папа, искусно привлеченный доброжелателями Вихинга на

сторону этого последнего, просил Мефодия принять в свои суффраганы этого прежде им самим избранного кандидата. Вопрос в том, как же Мефодий согласился исполнить желание папы. Оставаясь при своих подозрениях, Мефодий, разумеется, не нашел бы возможным уступить даже просьбам папы, и необходимо предположить, что Вихинг одновременно с тем, как действовать на папу через бывших у него в совете последнего доброхотов, старался о том, чтобы восстановить доверие к себе Мефодия. <...>

Таким образом, по нашему мнению, случилось, что Вихинг, имевший неосторожность до некоторой степени обнаружить себя перед Мефодием, все-таки стал, на беду последнего, епископом Нитранским. Было ли так, что уверения и клятвы Вихинга только поколебали, но не рассеяли совершенно подозрений Мефодия, или просто хотел он предупредить всякие столкновения в будущем, как бы то ни было, только, давая свое согласие на поставление Вихинга в епископы Нитранские, он просил, чтобы ясно были определены отношения между ним и подчиненным ему епископом. Так как папа со своей стороны на всякий случай желал иметь в Вихинге тайного надсмотрщика над Мефодием, но несколько, однако же, вместе с этим не хотел причинить ущерб самой власти архиепископа и быть виновником каких-нибудь «соблазнов и расколов» в Моравской Церкви, то он поспешил удовлетворить желание Мефодия, которое в такой же мере было и его собственным желанием, с самой полной готовностью. К сожалению, те подробные правила, которые дал папа Мефодию и в которых со всею точностью и полнотой определены были права последнего, как архиепископа, между прочим, и по отношению к его епископу-суффрагану, не дошли до нас; но что в правилах этих было строго предписано Вихингу во всем быть совершенно покорным своему архиепископу и в случае слушания было угрожаемо строгими и неминуемыми наказаниями — это ясно видно из самого послания. Во-первых, говоря о поставлении Вихинга в епископы, папа прямо пишет здесь: «Повелеваем ему (Вихингу) во всем быть послушным своему архиепископу, как научают святые церковные правила». Во-вторых, читаются в послании следующие слова: «Пресвитерам же, диаконам и всякого чина церковнослужителям, славянам или какой бы то нации они ни были, в пределах области твоей находящимся, повелеваем быть подчиненными и во всем послушными указанному собрату нашему архиепископу вашему и без его ведома ничего не делать; если же, сделавшись упорны и непослушны, дерзнут учинить какой-либо соблазн или раскол и после первого и вторичного увещания не исправятся: повелеваем их, яко сеятелей плевел, властью нашею отлучать от Церкви и изгонять из ваших пределов, сообразуясь с правилами, которые мы ему дали и к вам отправили»⁸⁴. Хотя говорится здесь обо всех вообще пресвитерах и диаконах моравских — не только пришлых, иностранцах, но и природных моравях, — но, очевидно, имеются в виду единственно первые, то есть, очевидно, имеются в виду те немецкие священники и диаконы, которые могли быть в Моравии у Вихинга и от которых одних только можно было опасаться соблазнов и расколов. Но если папа угрожает строгими наказаниями священникам и диаконам немецким, имевшим быть в Моравии при Вихинге, то очевидно, что угрозы в полной мере относятся и к самому Вихингу: во-первых, священники и диаконы могли решаться на соблазны и расколы только в том случае,

когда возбуждал бы и поощрял их к этому епископ, а во-вторых, поведение священников и диаконов во всяком случае было на полной ответственности этого последнего. Если вместе со священниками и диаконами папа не называет прямо и самого Вихинга, то, без сомнения, потому, что щадит в нем его епископский сан.

Не знаем, во время ли самого пребывания в Риме, или уже по возвращении в Моравию и вместе с немецкими епископами измыслил Вихинг план новой попытки низвергнуть Мефодия с престола (о которой речь впереди), но во всяком случае он возобновил козни против него тотчас же после того, как успел получить сан епископа Нитранского.

После окончания всех дел в Риме Мефодию и Вихингу оставалось возвратиться в Моравию, но последний успел устроить дело так, что отправился один Мефодий, а он сам остался в Риме еще на некоторое время. Какие предлоги он выдумал для своей остановки, неизвестно, но так как во всяком случае он не мог остаться в Риме самовольно, то возможность несамовольной остановки доставили ему всё те же покровители, о которых говорили мы выше. Не можем сомневаться, что Вихинг остался в Риме не за какой-нибудь действительной нуждой, а для ведения новых козней против Мефодия: но что же именно такое было им предпринято? К сожалению, на этот вопрос мы не можем дать положительного ответа. Очень может быть, что отважный интриган имел в виду ни более, ни менее, как заставить папу снова выслушать все обвинения на Мефодия, а в отсутствие ответчика надеялся совершенно перевернуть дело. Впрочем, в чем бы ни состояли новые козни Вихинга против Мефодия, во всяком случае положительно известно, что они не имели ни малейшего успеха; хотел ли Вихинг повторить старые клеветы на Мефодия или взводить какие-нибудь новые, во всяком случае положительно известно, что надежды его оказались тщетными, и папа совершенно не хотел его слушать⁸⁵.

Наконец, Вихинг возвратился из Рима в Моравию. Отчет, который он имел сообщить о своем путешествии немецким епископам, был самый неутешительный. «В своих усилиях низвергнуть Мефодия мы потерпели самое полное поражение, и только доставили ему случай приобрести искреннее расположение папы» — вот то немногое, что он мог сказать епископам. На что же должен был решиться собор Мефодиевых врагов? На что же решился со своей стороны Вихинг, именно мы знаем: он решился не отчаиваться и в этих видах после неудачи в Риме не выступил открыто против Мефодия, а постарался получить кафедру подручного ему епископа; но на что решились епископы немецкие? Позорно было положение этих епископов: страна, которую издавна считали они своей полной собственностью, отнята у них для какого-то греческого пришельца.

Таким образом страшно оскорблено было самолюбие епископов, и они должны были испытывать чувство глубочайшего унижения. Но на что же решаются люди в подобном положении? Как известно, самолюбие дороже человеку даже вещественных выгод; когда дело идет об одних последних, он остается хладнокровен и благоразумен, но когда будет задето первое, то весь отдастся гневу и мщению и способен выходить из пределов всякого благоразумия. Будь епископы немецкие в состоянии сохранить благоразумие, это последнее сказало бы им, что должно покориться необходимости, что теперь ничего невозможно сде-

лать с Мефодием и нужно оставить его в покое, если не навсегда, то по крайней мере до более благоприятных обстоятельств. Но, позабыв о всем, епископы сгорали теперь исключительно жаждою мщения за свое оскорбленное самолюбие. В таком состоянии они готовы были ухватиться за всякий план новой немедленной интриги против Мефодия, как бы план ни был неблагоприятен и даже нелеп, лишь бы только была подана о нем мысль. И мысль действительно была подана; она состояла в следующем: Вихинг, возвратившийся из Рима после Мефодия, имел представить Святополку от имени папы поддельную грамоту, в которой давались князю приказания, совершенно противные тем, которые привез с собою Мефодий, именно: давались приказания, чтобы Святополк принял в настоятели своей Церкви Вихинга, а Мефодия с его еретическим учением прогнал вон из своей страны. Кому принадлежала эта мысль? Очень может быть, что кому-нибудь из самих епископов, но всего вероятнее, что специалисту этого рода планов — Вихингу. Если действительно она принадлежала последнему, то очень может быть, что она пришла ему еще в Риме и что он постарался остаться там долее Мефодия, между прочим, и затем, чтобы иметь возможность привести ее в исполнение. Но кому бы ни принадлежала мысль, во всяком случае она была мысль до чрезвычайности странная. Епископы очень хорошо знали, что, во-первых, Святополк находился вовсе не в таких отношениях к Мефодию, чтобы с радостью ухватиться за всякий предлог от него отделаться, а напротив, был искренне привязан к своему архиепископу и необыкновенно дорожил им, что, во-вторых, он столько же дорожил славянским богослужением и не имел ни малейшей охоты снова вводить богослужение латинское; по всему этому чрезвычайно странно было со стороны епископов надеяться, что Святополк скорее поверит Вихингу, чем Мефодию, и, не подумав справиться в Риме, поспешит исполнить мнимый приказ папы относительно последнего, который будет передан ему первым. Не следует ли из этого, что в новой интриге епископы не принимали участия, что она была делом единственно Вихинга, для которого всякая нелепость была хороша, лишь бы была интрига? Допустить это совершенно невозможно: 1) грамота подписывалась именем папы, и как в случае неуспеха предприятия, так еще более в случае успеха, виновный подвергался такой ответственности перед папой, что взялся за дело одному самому было бы со стороны Вихинга просто совершенным безумием; 2) не говоря об ответственности, Вихинг, не будучи обнадужен обещаниями посредничества со стороны епископов в случае успеха своего предприятия, ничего иного не мог ожидать себе от папы, кроме немедленного прогнания с добытой обманом кафедры; наконец, 3) смотреть на эту новую интригу против Мефодия как на общую всех немецких епископов, а не частную только Вихинга махинацию заставляет и образ выражения Мефодиева биографа. Всего вероятнее, что план интриги принадлежал не кому-нибудь иному, а именно Вихингу, но вместе с этим совершенно необходимо принять, что Вихинг решился привести свой замысел в исполнение не иначе, как с полного согласия и одобрения немецких епископов. Если епископы решились быть участниками в попытке, до такой степени нелепо ненадежной и рискованной, то, во-первых, как мы сказали выше, необходимо объяснять это тем, что они находились не в таком состоянии, когда спокойно и не торопясь обсуждают предприятия; во-вторых,

что они возлагали чересчур преувеличенные надежды на те незначительные средства, которые имели в своем распоряжении. При всем нерасположении рассуждать, которое чувствовали епископы, бросаясь в предприятие, все же не могли они не задать себе того вопроса, каким образом удержат они Святополка от справок в Риме и заставят его прямо поверить подложной грамоте. Очень может быть, что, не имея на этот вопрос никакого ответа, они бросили бы свою затею, потому что слишком ясно оказывалась бы ее совершенная нелепость. Но они находили, что могут дать себе требуемый ответ. Как мы говорили выше, епископам немецким удалось составить себе партию при дворе Моравского государя; на эту свою партию епископы, нет сомнения, и рассчитывали возложить поручение, которого она совершенно не в состоянии была исполнить, то есть возложить поручение заставить Святополка поверить подложной грамоте папы без справок в Риме. Увлекаемые каким-то вообще непостижимым легковерием, епископы немецкие, по всей вероятности, возлагали также некоторые надежды и еще на одно особенное, случайным образом, но как бы нарочно в их пользу устроенное обстоятельство. Выше мы привели грамоту папы к Святополку, в которой папа извещал государя Моравского о следствиях своего суда над Мефодием, то есть в которой он извещал государя, что нашел его архиепископа «во всех церковных учениях и пользах православным исповедником», что опять посылает его к управлению вверенной ему Церкви Божией и подтверждает ему преимущества архиепископства и постановляет быть на всем твердым и проч. Грамота эта по какой-то неизвестной нам причине, всего вероятнее, по той, что не успели приготовить ее в папской канцелярии, не была отправлена с самим Мефодием, а имела быть доставлена уже только с Вихингом (можно, конечно, но едва ли следует считать эту задержку грамоты не случайною, то есть думать, что дело устроено так по проискам Вихинга; скорее нужно думать, что это случайное обстоятельство навело его на мысль об его новой интриге). Так очень вероятно, что епископы немало, хотя в действительности и совершенно тщетно, рассчитывали на это случайное обстоятельство. Когда Вихинг предъявит свою подложную грамоту, — такой вид могли иметь рассуждения епископов, — Мефодий будет говорить, что она подложная, что папа не лишил его архиепископского престола, а торжественно утвердил на нем и проч.; но внимание князя будет обращено на то обстоятельство, что он (Мефодий) не принес с собою от папы никакой грамоты; если бы было так, как утверждает Мефодий, — будет сказано князю, — то не преминул бы папа вручить ему удостоверительную грамоту, но было не так, как он утверждает, а поэтому и грамота прислана не с ним, а с другим; совершенно естественно, что грамоту об его низвержении папа нашел удобным вручить не ему самому, а другому. Рассчитывать на возможность того, чтобы неотразимо могла подействовать на Святополка подобная аргументация и чтобы князь нашел ее убедительность до такой степени ясною, чтобы счел излишними всякие справки в Риме, конечно, значило смешным образом рассчитывать совершенно на невозможное; но нужно ли было на что-нибудь рассчитывать епископам, когда они непременно хотели действовать, а между тем, возможного в их руках совершенно ничего не было. Изгнать Мефодия из Моравии тотчас после того, как нарочно и торжественно были подтверждены ему папою его архиепис-

копские права, изгнать посредством обмана, в котором таким дерзким образом было бы злоупотреблено именем папы, — это, конечно, значило насмеяться над папой уже чересчур отважным образом; а таким образом, как нимало склонны были епископы рассуждать, когда бросались в свое предприятие, но не могли они не задавать себе вопроса: как же они отделаются от папы в случае успеха предприятия? Вопрос, нет сомнения, был задаваем, но епископы сгорали исключительно чувством мщения и желанием успеха и не хотели думать ни о чем более: только бы успеть, а там отделаться как-нибудь — вот, нет сомнения, краткий ответ, который они себе давали, не имея охоты смущать себя сколько-нибудь серьезными размышлениями над вопросом.

Как бы то ни было, Вихинг имел прибыть в Моравию и предъявить Святополку мнимое папское приказание изгнать из страны Мефодия.

Переходим вместе с Вихингом в саму Моравию. После дней скорби здесь переживали минуты величайшей радости. Год тому назад неустанная вражда к Мефодию немецких епископов вызвала его на суд папы; прежде опыты успеха перед этим верховным судилищем, правда, могли бы ободрять моравов относительно исхода новой тяжбы, но зловещим должен был показаться им тот угрожающий тон послания, которым папа на этот раз требовал к себе Мефодия, и, отпустив своего дорогого архиепископа в Рим, они, нет сомнения, на этот раз в полной мере испытали, что значит переживать время мучительной неизвестности. Но вот Мефодий возвратился из Рима и привез известие, что путешествие совершенно счастливо, гораздо более счастливо, нежели сколько можно было ожидать, что трудом путешествия куплено искреннее расположение папы к нему, архиепископу, и к государю Моравскому с его народом; можно вообразить себе те чувства радостного успокоения, которые должны были испытывать теперь моравы. Те же чувства радостного успокоения и вожделенного мира в не меньшей степени, чем паства, должен был испытывать в душе своей и сам пастырь: ненависть к нему немецких епископов была ничем не сокрушима, но то жестокое поражение, которое они претерпели при последней попытке низвергнуть его, то величайшее расположение, которое теперь приобрел он у папы, должны были вселять в него твердую уверенность, что если, наконец, не навсегда оставили они его в покое, то по крайней мере долго не решатся делать новых попыток; стряхнув с себя тяжелое бремя непрестанных сомнений и опасений, он мог вздохнуть теперь свободно и приступить к продолжению своих апостольских трудов с ничем не смущаемой и не парализованной энергией. Итак, в Моравии только что у всех свалилась гора с плеч, и все, почувствовав себя легко и уверенно, наслаждались радостью полного душевного успокоения.

И вот является Вихинг... Не ожидая от него никаких новых известий, потому что уже всё знали от Мефодия, его встретили самым обыкновенным образом — наконец, приехал он и более ничего... и вдруг новоприехавший объявляет им привезенную с собой волю папы: Мефодий со своим учением должен быть прогнан из Моравии, а власть над страной отдается ему, Вихингу, с немецким духовенством. После всего, что сказали мы выше, можно представить себе, каким неожиданным и каким страшным громовым ударом были для моравов и Мефодия речи Вихинга! Мы со своей стороны знаем, что речи эти были обман, но обман был до такой степени нагл и дерзок, что в первые минуты нико-

му не могло впасть на ум подозрение; ужасные вести были выслушаны с полной верой и должны были произвести неописанное поражение и смущение: с верха еще не пережитой величайшей радости они мгновенно низвергали людей в пропасть скорби и отчаяния. Быстро разнеслась по стране ужасная новость, и всюду, как говорит автор Жития, готовы были поднять плач: «Лишаемы пастыря такого и учителя»⁸⁶...

Но должно было иметь конец торжество нашего героя. Если бы Енхинг имел в виду не более, как сыграть нахальную шутку, то он мог бы похвалиться, что это ему вполне удалось, что эффект был самый блистательный; но он хотел более, нежели шутки, и замысел его, к его прискорбию, ни в коем случае не мог удалиться. Минуты безотчетных чувств, наконец, прошли, и когда хорошенько опомнились и начали обсуждать дело, то ясно увидели, что до какой степени ни представляется обман невероятным, но необходимо предполагать обман, а не что-нибудь другое. Так как обо всем деле этом автор Мефодиева Жития рассказывает очень кратко, то мы не можем сказать, чем именно заставлен был Вихинг открыть правду: тем ли, что Святополк и Мефодий собрались отправить послов в Рим для наведения справок, или прежде, чем дошло до этого, его выдал кто-нибудь из посвященных в позорную тайну его спутников; но как бы то ни было, только, наконец, он принужден был отдать подлинную, приведенную нами выше грамоту папы к Святополку. Некрасиво было положение нашего героя, когда он вручал князю и огромному вечу народному этот документ, но едва ли имел он в эти минуты вид слишком жалкий; так как он принадлежал к породе людей, совершенно обделенных чувством стыда, то вероятнее, что он смотрел на всех как ни в чем не бывало и внимал горячим изъявлениям общего негодования с нахальным равнодушием.

Такие неудачи потерпели немецкие епископы во всех своих попытках против Мефодия. Прежде чем обращаться к дальнейшим событиям жизни этого последнего, мы должны досказать о знаменитом представителе веденных против него интриг, то есть об этом так долго составлявшем предмет наших речей Вихинге. Немедленно после того, как обнаружен был дерзкий подлог Вихинга, Мефодий отправил послание с жалобой на него к папе. К величайшему сожалению, до нас дошло это послание Мефодия, содержащее, по всей вероятности, положительные сведения о сейчас изложенной нами интриге, которую мы восстанавливать принуждены теперь при помощи соображений и догадок. Но до нас дошел ответ папы, который он, спеша утешить Мефодия, послал к нему также немедленно после того, как получил от него жалобу. Выразив Мефодию свое глубокое сожаление по поводу случившихся с ним неприятностей, папа пишет далее: «Не посылали мы (к князю) никакой другой грамоты (кроме той, в которой Святополк извещался, что Мефодий найден совершенно православным и ни в чем не виновным и что он снова возвращается в Моравию как ее архиепископ, и которую мы привели выше) и епископу оному (то есть Вихингу) ни явно, ни тайно не поручали мы делать чего-нибудь иного и не предписывали совершать чего-нибудь иного, нежели тебе, тем менее должны верить тому, будто мы от того же епископа требовали клятвы, тогда как мы не говорили ему об этом деле хотя бы единого слова; итак, да престанет оное сомнение...»⁸⁷. Из этих слов папы открывается, что упорный Вихинг не хотел вдруг ретироваться даже и после того, как должен был при-

знать себя составителем фальшивой грамоты. «Да престанет оное сомнение», — пишет папа Мефодию, то есть Мефодий и моравы не были вполне уверены, чтобы Вихинг был чистым обманщиком и чтобы в Риме, после того, как уехал оттуда Мефодий, действительно не было даваемо ему никаких поручений противодействовать этому последнему. Откуда же была эта неуверенность, эти подозрения относительно искренности и прямоты действий Римского престола? Ответ на это в словах папы: «...епископу оному ни явно, ни тайно не поручали мы» и проч., то есть Вихинг и после того, как изобличен был в подделке грамоты, все-таки продолжал уверять моравов, что имеет от папы тайное поручение противодействовать Мефодию, и, будучи принужден отказаться от своей грамоты, видоизменил речи свои таким образом: грамоту я действительно подделал, но тем не менее справедливо, что папа вовсе не имеет того расположения к Мефодию, какое изъявляет в своей подлинной грамоте, и что он тайно поручил мне и даже взял с меня клятву всевозможным образом стараться между вами об удалении от вас Мефодия. В заключение своей грамоты папа пишет Мефодию: «Когда с Божией помощью ты возвратишься (то есть в Рим), то, какое ни нанесено тебе бесчестие и что ни причинил тебе упомянутый епископ противного своему служению, мы, лично рассмотрев показания обеих сторон, с Божией помощью произнесем законное решение и не преминем наказать дерзость одного (епископа) приговором нашего суда». Не имея у себя Мефодиевой грамоты к папе, мы не можем сказать, как разуметь слова папы: «когда ты возвратишься», то есть сам ли Мефодий просил у него позволения прибыть в Рим для суда с Вихингом и приведенными словами папа только дает ему это позволение, или папа приглашает к себе Мефодия, не будучи об этом прошен, но вероятно сколько последнее, столько же и первое.

Приведенною грамотою папы к Мефодию кончаются наши положительные сведения об этом деле, и мы не имеем о нем никаких дальнейших известий. <...>

Последние рассказанные нами события жизни Мефодия относятся или к концу 881, или к 882 году. Остаются пред нами уже только три года его жизни; из событий этих последних лет мы знаем очень немного.

Враги Мефодия, повествует биограф, будучи посрамлены в своих кознях против него, начали распускать молву, что страшно гневен на него Константинопольский император и что если успеет получить его в свои руки, то не бывать ему в живых. Слишком краткий биограф, к сожалению, ничего не объясняет, с какою целью епископы немецкие распускали подобную молву. Но нельзя сомневаться, что тут он указывает нам на новую интригу. Мы думаем, что дело было таким образом: не успев оклеветать Мефодия перед папою, епископы решили попытаться пустить в ход последнее оставшееся им средство прогнать Мефодия из Моравии, именно: попробовать оклеветать его перед самими моравами; с этой целью и начали они распускать молву, что страшно гневается на Мефодия император Константинопольский, то есть, как мы думаем, начали распускать молву, что Мефодий, которого так чтут моравы, есть презренный авантюрист, что он бежал со своей родины, потому что совершил там разные преступления, что если он попадет в руки греческого правительства, то ожидает его позорная смертная казнь.

Вывод, который следовал отсюда для моравов, понятен сам собою: честь требовала от них запятнанного преступлением и так долго морочившего их обманщика немедленно прогнать из своей страны. Жалко, что биограф рассказывает слишком кратко; дело со всеми подробностями, конечно, было бы очень интересно; нет сомнения, что интрига была сочинена с возможным искусством и что приложены были все старания, чтобы позорная клевета имела вид действительной правды: по всей вероятности, сочинены были разные подложные свидетельства или даже наняты лживые свидетели (из греков, приходивших в Моравию для торговли) и т. д. Какой конец имела эта, бывшая самою последнею и самою возмутительною из всех интриг епископов против Мефодия? Подобно последней, рассказанной нами выше интриге, она во всяком случае никогда не могла иметь успеха; только слепая злоба епископов против Мефодия могла думать, что совершенно невероятной клевете будет поверено тотчас же; но в действительности, как бы ловко ни сумели они поставить дела, во всяком случае никогда ничего не было бы предпринято против Мефодия без самых достоверных справок о нем на месте его мнимых преступлений, то есть в Константинополе. Впрочем, прибегать к этому последнему средству дознания истины не оказалось нужным: само Провидение позаботилось о самом торжественном оправдании Мефодия. В то время, как епископы старались провести против него свою интригу, в Моравию неожиданно прибыло посольство от императора Константинопольского: император, изъявляя Мефодию свое величайшее уважение, самым усердным образом просил не отказываться от труда посетить Константинополь. Из этого ясно стало, сколько было правды в уверениях, будто император страшно гневен на Мефодия и проч.

Обращаемся к этому путешествию Мефодия на родину. Биограф пишет о нем следующее. Император послал Мефодию послание, в котором писал: «Отче честный, вельми тебя желаю видети, то добро сотвори: потрудися (дойти) до нас, да ты видим, дондеже еси на сем свете, и молитву твою примем»⁸⁸. Мефодий немедленно отправился в путь и когда прибыл в Константинополь, то царь пригласил его с великою честью и радостью. Царь похвалил учение Мефодия и удержал при себе от учеников его священника и диакона с книгами. Царь сотворил всю волю его, чего он хотел, и не послушался ни в чем. Воздав ему почести и одарив богатыми дарами, царь торжественно проводил его обратно к его престолу, также и патриарх. Так рассказывает биограф. Известно, что у греческих летописцев нет ни единого слова о деятельности Константина с Мефодием. На этом основании можно было бы подумать, что Константин с Мефодием после того, как оставили родину, совсем упущены были из виду греками и что о их апостольских трудах у славян мораво-паннонских не достигало никаких слухов до Константинополя. Но сейчас рассказанное нами дает видеть, что на родине очень хорошо знали о их деятельности. Что касается до летописцев греческих, то, кроме неизвестности, у них были еще и другие причины к молчанию: нет сомнения, вместе с большинством греков они нисколько не сочувствовали делу Константина и Мефодия, а поэтому находили его не стоящим места в их летописях. Императором греческим в то время был Василий Македонянин. Сравнительно он был государь очень хороший, но вместе с тем нисколько не может быть на-

зван человеком необыкновенным, стоящим по своим понятиям выше своих современников. А поэтому мы думаем, что его желание видеть Мефодия не должно понимать так, будто он в состоянии был по достоинству оценить великое дело славянских апостолов и будто он хотел выразить Мефодию все свое глубокое уважение. Новозобретенная азбука и новопереведенные богослужебные книги, по всей вероятности, просто возбуждали его царственное любопытство, и так как Мефодий был грек, то он и пригласил его к себе. Может быть также, что это желание познакомиться со славянскою азбукою и услышать славянское богослужение отчасти было возбуждено в нем его особенными личными отношениями к делу. Известно, что Василий Македонянин был родом славянин. Давно превратившись по своим убеждениям и симпатиям в настоящего грека, он, конечно, нисколько не интересовался судьбами славянской национальности; перестав говорить по-славянски по крайней мере лет с тридцать перед тем, он, по всей вероятности, очень плохо помнил свой родной язык, но, несмотря на все это, он все-таки был славянин, и славянские книги должны были возбуждать его особенное любопытство. Император, говорит биограф, похвалил учение Мефодия и оставил при себе со славянскими книгами двоих учеников его — священника и диакона. Для кого имели совершать славянское богослужение эти священник и диакон? Очень может быть, что у самого императора родилось желание слышать изредка богослужение на славянском языке, чтобы напомнить себе о том, что детство и юность свою он был славянином; или, может быть, он хотел доставить возможность слушать родное богослужение довольно значительному числу крещеных славян, которые находились при дворе и в столичном войске. Как бы то ни было, но впоследствии, конечно, уже никому не приходило в голову позаботиться о том, чтобы эти ученики Мефодия имели себе преемников, и они были первые и последние, совершавшие славянское богослужение в столице Греческой империи. «Всю волю Мефодия сотворил государь, что он хотел, и не ослушался его ни в чем». Как понимать эти слова биографа? Если находить нужным упомянуть о хотениях Мефодия, то, очевидно, тут разумеется не что-нибудь простое и обыкновенное; но что же именно такое? Для Мефодия всего дороже были просвещение христианством славян и славянские богослужебные книги, и поэтому само собою представляется вопрос: не о том ли просил Мефодий императора, чтобы посланы были миссионеры к оставшимся язычниками славянам империи и чтобы у крещеных было славянское богослужение? Если это именно так, то мы должны прибавить, по крайней мере, относительно славянского богослужения, что император послушался Мефодия не на деле, а только на словах. По уверению биографа, вместе с императором воздал великую честь Мефодию и патриарх. Чему именно была воздана патриархом честь? Мы говорили и доказывали выше, что относительно богослужебных языков тогдашние греки были совершенно одинаковых взглядов и убеждений с тогдашними латинянами и что великое дело Константина и у первых должно было встретить столько же мало сочувствия, как и у последних; в бытность Мефодия в Константинополе патриархом был знаменитый Фотий. По всему этому мы думаем, что патриарх и духовенство константинопольское приняло Мефодия с честью не потому собственно, что хотели почтить его великие заслуги, а потому просто, что он был знаменитость: приличие, вежливость и т. д.

заставляют воздавать почести и таким знаменитостям, в которых не находят ничего себе сочувственного. Что касается лично до Фотия, то он во всяком случае должен был принять Мефодия, по крайней мере, с некоторой предупредительностью, потому что к этому обязывала его память о Константине, который был некогда одним из самых искренних его друзей. Увидеть столь давно оставленную страну и, так сказать, проститься с ней перед приближением отхода в иную жизнь, нет сомнения, было весьма большой отрадой для Мефодия, но в то же время далекое и трудное путешествие не могло не быть слишком тяжким для его преклонной старости; при этом его странствие не было вполне благоустроено, и при езде по морю, рекам и пустыне ему пришлось подвергнуться путевым напастьям.

Чувствуя приходящим в изнеможение телом своим, что настало время приступить к последним расчетам с земной жизнью и начать приготовление к смерти, Мефодий поспешил докончить то, что оставалось еще недоконченным. К таким недоконченным трудам принадлежал перевод книг Священного Писания, или Библии. Константин при своем начальном переводе церковных книг на славянский язык, поелику имел в своем распоряжении времени не более того, сколько необходимо было на удовлетворение самой настоятельной нужды, из книг библейских перевел только то, что нужно было перевести для открытия богослужения, именно: 1) Псалтирь, 2) богослужebное Евангелие и Апостол и 3) отдельные места из книг, составляющих так называемые паремии или, как называет их автор Жития, избранные службы церковные. Вся остальная, то есть бoльшая, часть Библии оставалась непереуведенною до того последнего времени жизни Мефодия, о котором говорим. Причиной, по которой замедлилось окончание перевода, само собою разумеется, было не что-нибудь похожее на беспечность со стороны Мефодия. Для совершения труда нужно было не слишком много времени, именно, как показало самое дело, его нужно было не более восьми месяцев; но нужно было иметь Мефодия в своем распоряжении такие восемь месяцев, в продолжение которых он мог бы посвятить себя одному названному нами делу в самой безусловной исключительности, а из этого становится для нас понятным, отчего так долго замедлилось окончание перевода. Таких восьми месяцев Мефодий действительно очень долго не мог иметь в своем распоряжении. Мы знаем, как прошли первые годы после смерти Константина: после пребывания в Риме, где тяжкая скорбь о смерти брата не позволяла думать ему ни о чем ином, он приглашен был Коцелом в Паннонию; едва прибыл он в эту страну, как, исполняя желания и планы того же Коцела, снова должен был отправиться в Рим, во все это время, конечно, он не имел возможности позаботиться о переводе Библии; вторично прибыв в Паннонию, он почти тотчас же схвачен был и сослан в заточение; два с половиною года, проведенные им в Швабии, конечно, были у него совершенно свободны, но немцы, которые и послали его в заточение именно за его славянские книги, само собою разумеется, никогда не дали бы ему продолжать ненавистное им дело. Таким образом, в продолжение первых пяти лет после смерти Константина Мефодий положительно не имел возможности приступить к труду перевода Библии. С восшествием на кафедру архиепископа Моравского, что случилось вскоре после возвращения из ссылки, обстоятельства Мефодиевы со-

вершенно изменились; но не должно казаться странным и удивительным, если и после этого он так долго — целых восемь или девять лет — медлил приступить к совершению одного из важнейших своих дел. Положение Мефодия на его архиепископской кафедре, как нам известно, не может быть представлено обыкновенным положением архиереев, сидящих на давнишних и благоустроенных кафедрах. <...>

Ему поручена была в управление страна, в которой большая часть крещеных были христианами только по имени, в которой если не большая часть, то по крайней мере половина жителей оставались еще не крещенными. Пусть представит себе читатель, что Мефодий положил своею неперемменною обязанностью, как это было в действительности, крестить оставшихся не крещенными, сделать по возможности истинными христианами всех; пусть представит себе читатель, с какими усилиями и как не быстро совершались подобные труды, и тогда он поймет, отчего у Мефодия так долго не находилось таких восьми месяцев, в продолжение которых он мог, отказавшись от всяких других трудов, исключительно заняться переводом Библии. Мефодий поставлен был в архиепископа собственно Моравского, но в то же время ему поручено было просвещение, и сам он смотрел на себя как на учителя всех западных стран славянских. В сознании своих обязанностей по отношению ко всем западным славянам Мефодий предпринимал апостольские путешествия за пределы Моравии, и путешествиям этим он должен был, конечно, отдать из общей суммы своего времени очень немалое количество месяцев. Трудясь над обращением и христианским просвещением своей обширной епархии, Мефодий должен был приготовить для нее нужное количество священников, приготовить не в том только смысле, чтобы посвятить, что, разумеется, требует немного времени, а в том, чтобы, набрав их в общей среде пасомых, сделать их людьми, способными быть пастырями, то есть быть их учителем от азбуки до богословия. Это были важнейшие, так сказать, осязаемые и видимые Мефодиевы дела. Но, кроме этих важнейших дел, сколько еще он должен был употребить своего времени на дела менее важные и менее видные, но тем не менее совершенно необходимые, именно — на все то, что должно быть названо общим именем устройства новооткрытой своей епархии и новооснованной славянской Церкви! Итак, повторяем, если Мефодий не приступал к переводу Библии в продолжение целых восьми или девяти лет своего архиепископствования, то в этом нет ничего удивительного, и это показывает только, что в течение всего названного времени Мефодий постоянно находил невозможным или по крайней мере неудобным отрываться от всех прочих своих дел на такое продолжительное время, как семь или восемь месяцев. Само собой понятно, что, говоря о невозможности, мы разумеем только невозможность относительную. Мефодий сам с полной свободой располагал своим временем, и будь перевод Библии делом неотложной необходимости, то, конечно, он во всякое время мог бы оставить для него все другие дела, сколько бы они ни были важны. Но перевод вовсе не был делом такой неотложной необходимости: прежде чем совершать его, нужно приготовить было людей, способных им пользоваться; Евангелие с Апостолом и из книг ветхозаветных Псалтирь, то есть все те библейские книги, которые может и должен читать христианин, на какой бы степени христианского религиозного просвещения он ни находился, уже были переведены, а

все прочие книги библейские для христиан, только начинавших просвещаться христианством, каковы были моравы, не представлялись чтением столь необходимым, чтобы нужно было немедленно им доставить.

Обращаясь к самому труду перевода. Относительно подробностей дела автор Жития сообщает, что переведены были все сполна книги библейские, за исключением книг Маккавейских, и что перевод совершен был в течение восьми без немногих дней месяцев, именно: начат был с марта и окончен к 26 октября, к празднику святого Димитрия Солунского. Прежде всего, тут приводит в недоумение время, в продолжение которого совершен был перевод. Восемь месяцев сами по себе, конечно, очень значительное время, но во всяком случае совершенно невозможно допустить, чтобы в течение восьми месяцев могло быть переведено приблизительно восемь десятых частей всей Библии, и притом могло быть переведено на язык, который нисколько не был обработан для письменности, то есть при переводе на который постоянно должно было бороться с большими трудностями. Автор Жития ничего не говорит в разрешение этого недоумения, но необходимо заставляет предполагать самая сущность дела, что труд совершен был не единолично самим Мефодием, а при большем или меньшем содействии учеников, то есть что перевод производим был если не в три или четыре, то уже никак не менее, как в две руки. Далее, Мефодий, весьма вероятно, небольшими частями и вчерне приготавливал перевод и прежде; прежде сделанного, но окончательно не справленного перевода могло оказаться даже очень немало, а таким образом значительно могло сократиться время, потребное на теперешний общий и окончательный перевод всей Библии. Для переписывания совершавшегося Мефодием и его сотрудниками перевода на бело посажены были два священника — «скорописцы зело». Как мы сказали выше, перевод был совсем окончен к 26 октября. Мефодий хотел окончить его к этому именно дню, без сомнения, потому, что в этот день памяти святого Димитрия Солунского — великий годовой праздник в его отеческом городе. В день святого Димитрия принесено было торжественное благодарение Богу, давшему «такую благодать (в труде) и поспех», и память святого была празднована так же торжественно, как она праздновалась в самой Солуни.

Вместе с Библией Мефодий хотел оставить своей новопросвещенной пастве и другие, более необходимые книги; поэтому вслед за переводом Библии он перевел с учениками своими книгу законов церковных, или Номоканон, и некоторые творения отеческие. Автор одного проложного Мефодиева Жития⁸⁹ сообщает известие, в каком именно году совершен был Мефодием перевод Библии, именно: он говорит, что в 6393 году. Так как совершенно невозможно придумать никакого повода и побуждения, с которого и по которому могло быть измыслено это заявление, так как указанный в нем год вполне сходится с тем временем, к которому приблизительно должно относить перевод Библии и по указанию Паннонского Жития, то мы принимаем известие с полной верой и думаем, что оно взято составителем Жития из приписки, сделанной в конце перевода Библии самим Мефодием и его сотрудниками. Так как перевод окончен был в октябре, а составитель Жития, конечно, считал сентябрьскими годами (с началом в сентябре.— *Ред.*), то, по его показанию, Мефодий совершил перевод Библии в начале 884 года, что будет за полтора года до его (Мефодия) смерти.

На труд перевода Библии и прочих книг Мефодий смотрел как на свой последний, заключительный труд; после этого, отвергшись молвы, то есть уединившись сам с собою, он хотел начать приготовление к смерти. Но, принужденный совершить в жизни своей столь много далеких и тяжелых странствований, он должен был и все труды свои закончить этого же рода подвигом, именно: он должен был совершить путешествие к королю Угорскому. Автор Жития пишет об этом следующее: «Восхотел видеть его (Мефодия) пришедший на страны дунайские король Угорский; и когда некоторые говорили и думали, что не уйти ему (Мефодию) от него (короля) подобру-поздорову, пошел к нему (королю); он же принял его, как достоин принять архиерея, честно и славно, с веселием, и беседовав с ним так, как надлежит вести беседы с таким мужем, отпустил его с любовью и облобызав, с дарами великими и просил его: поминай меня, честный отче, во святых молитвах твоих присно». Угры, или венгры, единоплеменники наших сибирских угров (жителей земли Угорской, иначе — вогулов, или остяков), вышедши из своего древнего отечества, спустились Камой на Волгу; после более или менее продолжительной остановки здесь они прошли поперек России до Киева и, спустившись от Киева вниз по Днепру, заняли земли между низовьями Днепра и Днестра и отчасти в Крыму — это было в начале второй половины IX века; разбитые соединенными силами хазар и уцов, или половцев, они принуждены были бежать из этих новых мест поселения — одни на восток, другие на запад. Часть угров, бежавшая на запад, остановилась на северном берегу нижнего Дуная, в нынешней Валахии, а король Угорский, к которому должен был путешествовать Мефодий, и был именно государь этой части угров. Путешествие имело место в самое непродолжительное время после того, как угры явились на Дунае: они разбиты были хазарами около 883 года, а путешествие Мефодия должно быть отнесено ко второй половине 884 (сентябрьского) года. Об этом весьма недалеко расстоянии одного события от другого дает знать и автор Жития, когда выражается: «пришедшу на страны дунайские королю Угорскому, восхоте и (Мефодия) видети»⁹⁰. Что было причиной, что король Угорский пожелал видеть у себя Мефодия? На вопрос этот нам трудно придумать какой-нибудь удовлетворительный ответ. Если предположить, что дошла до короля слава о Мефодии как о великом муже, то, во-первых, спрашивается, каким образом она могла дойти; во-вторых, очень трудно допустить, чтобы пришедшего из степей полудикаря могли заинтересовать великие люди цивилизованного мира, и в особенности великие люди того рода, к которому принадлежал Мефодий. Если предположить, что, поселившись в соседстве с народами христианскими, король Угорский и сам желал принять крещение и поэтому желал видеть Мефодия, чтобы предварительно с ним посоветоваться, то 1) ниоткуда не видно, чтобы угры так рано начали помышлять о принятии христианства (сколько известно, они начали принимать его спустя целое столетие после смерти Мефодия); 2) если бы причина была именно эта, то едва ли умолчал бы о ней автор Жития; наконец, 3) если посоветоваться, то, спрашивается: почему именно с Мефодием, а не с кем-нибудь другим? К сожалению, совершенным мраком неизвестности покрыта для нас тогдашняя история венгров; будь она известна, мы легко бы, может быть, нашли ответ на свой вопрос. Могло дело иметь себя таким образом: король, или вождь угров,

был из числа людей более, нежели обыкновенных; став соседом народов христианских, он 1) хотел посредством крещения ввести свой народ в их семью; 2) узнав о делах своих ближайших соседей — моравов, он хотел, чтобы и его народу было дано христианское богослужение на его собственном языке; имея это последнее желание, он и хотел видеть у себя Мефодия, представителя учения о национальных Церквях у новых народов и действительного основателя одной из таких Церквей. Если дело осталось без всяких последствий, то это могло произойти от неожиданной смерти короля или других каких-нибудь причин. Как бы все это ни было, то есть какие бы ни имел со своей стороны побуждения король Угорский просить к себе Мефодия, во всяком случае не может подлежать сомнению, 1) что, если Мефодий решился предпринять слишком трудное для его преклонных лет путешествие, то для него самого главным побуждением были желание и надежда обратить язычников в христианство, 2) что хотя он был принят королем Угорским с великою честью, но сейчас указанная надежда его по тем или другим причинам осталась без исполнения.

Путешествие к королю Угорскому было последним, предсмертным делом Мефодия. Святой муж слишком много подъял трудов в своей жизни, и уставшие плоть и дух, наконец, требовали себе успокоения. Как видно из всех слов автора Жития, не посетила Мефодия никакая-нибудь особенная и нечаянная болезнь, а пришла к нему естественная, тихая болезнь старости. Покидаемые учителем ученики желали знать волю учителя относительно преемника ему на архиепископской кафедре. «Кого чюеши, отче и учителю честный,— спрашивали они,— от учения твоего тебе настольник был?» Мефодий указал на одного из лучших между учениками, бывшего родом моравлянина по имени Горазда, и сказал: «Се есть ваша земля свобод муж (то есть, вероятно, свободный от уз супружества, неженатый, что требуется для принятия сана архиепископа), учен же добре с латинския книги (то есть человек хорошо образованный и хорошо знающий латинский язык, что последнее нужно было для архиерея, подчиненного латинскому престолу папы), правоверен, то буди (над ним) Божия воля, и ваша (к нему) любы яко же и моя»⁹¹. Почувствовав себя слишком трудно, Мефодий поспешил проститься со своею, столь дорогою ему паствою: собрались все люди, и приведенный в церковь изнемогающий архиепископ преподавал всем свое последнее наставление и благословение. <...>

После прощания, чувствуя, что ему уже очень недолго остается быть вместе со своими учениками, он просил их находиться при нем неотлучно. На третий день, — это было в апреле 885 года, во вторник Страстной недели, — «светающу дни», со словами: «в руке Твои, Господи, душу мою влагаю» он почил на руках иерейских. Торжественная погребальная служба была совершена учениками умершего, подобно тому, как это было при погребении Константина, на языках латинском, греческом и славянском; тело Мефодия было положено в соборной церкви моравского стольного города⁹². Великий плач сотворила страна по своему незабвенном пастыре. «Людии же бесчислен народ, — говорит автор Жития, — собрався провожаху со свещами плачущесе доброго учителя и пастыря мужеск пол и женск, малии и велиции, богатии и убозин, свободни и раби, вдвоици и сироты, страннии и тоземцы, недужнии и сдравни, вси — бывшаго всяческо всем»⁹³. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵³ Житие Константина Философа, нареченного Кирилла.— Кирилл и Мефодий. Собрание памятников до деятельности святых Первоучителей и Просветителей славянских племен относящихся, составленное О. Бодянским.— «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (ЧОИДР), 1863, кн. 2, отд. 3 (Далее ссылки на Житие — по этому изданию), с. 27—28.

⁵⁴ Там же, с. 28.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Житие блаженного отца нашего и учителя Мефодия, Архиепископа Моравско-го.— ЧОИДР, 1865, кн. 1, отд. 3. (Дальнейшие ссылки на Житие в тексте — по этому изданию), с. 6—7.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Erben C. J. Regesta Bohemiae et Moraviae. Pragae, 1855, p. 16—17, N 41—42.*

⁵⁹ *Шафарик П.* Славянские Древности. Перевод с чешского О. Бодянского, изд. М. П. Погодиным. Т. 2, кн. 2. СПб., 1848, с. 296; *Palazky Fr. Geschichte von Bohmen, grossten Theils nach Urkunden und Handschriften. Bd. 1, Prag, 1836, S. 296.*

⁶⁰ *Neander A. Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Hamburg, 1836. Bd. 4. S. 122; Bdur F. Die christliche Kirche des Mittelalters. Tübingen, 1861, S. 81, 93.*

⁶¹ «...По смерти Альтфрида (архипресвитера Паннонского) Адальвин поставил архипресвитером Ригбальда, который пребывал там долгое время, сочетая свою должность с гражданской властью (potestative), как ему положил сам архиепископ, до тех пор пока некий грек, по имени Мефодий, устраняя философски (superducens philosophicae) латинский язык и римскую доктрину, а также латинские письма посредством заново изобретенных славянских букв, сделал так, что их мессы и Евангелия и церковные службы (ecclesiasticum officium), которые практиковались по-латыни, потеряли свою ценность для всего славянского племени Паннонии (cuncto populo ex parte); не имея возможности переносить это, Ригбальд возвратился к престолу Ювиавенскому» — *Aponitus...*, p. LXXV, col. 2.

⁶² Житие Мефодия, с. 8.

⁶³ *Erben C. J.* Цит. соч., p. 15—16, № 37.

⁶⁴ Там же, p. 16, № 38.

⁶⁵ Там же, p. 17, № 42.

⁶⁶ Там же, p. 16, № 39.

⁶⁷ Там же, № 40.

⁶⁸ *Шафарик П.* Цит. соч., т. 2, кн. 1, с. 413—415.

⁶⁹ Там же, т. 2, кн. 2, с. 19.

⁷⁰ Там же, с. 294—299; *Palazky Fr.* Цит. соч., S. 126.

⁷¹ *Шафарик П.* Цит. соч., с. 294—299; *Palazky Fr.* Цит. соч., S. 126—127.

⁷² *Шафарик П.* Цит. соч., с. 294—299; *Palazky Fr.* Цит. соч., S. 126—127.

⁷³ *Шафарик П.* Цит. соч., с. 203—205.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, с. 148.

⁷⁶ *Erben C. J.* Цит. соч., p. 16—17, № 41—42.

⁷⁷ Там же, p. 17, № 43.

⁷⁸ Там же, p. 16, № 41.

⁷⁹ Там же, p. 17—18, № 43.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, p. 17, № 42.

⁸² Там же, p. 17—18, № 43.

⁸³ Житие Мефодия, с. 9.

⁸⁴ *Erben C. J.* Цит. соч., p. 17—18, № 43.

⁸⁵ Там же, p. 18, № 44.

⁸⁶ Житие Мефодия, с. 9.

⁸⁷ *Erben C. J.* Цит. соч., p. 18, № 44.

⁸⁸ Житие Мефодия, с. 9—10.

⁸⁹ *Каллайдович К. Ф.* Иоанн, Экзарх Болгарский. М., 1824, с. 90.

⁹⁰ Житие Мефодия, с. 10.

⁹¹ Там же, с. 11.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.